

12+

РЕФЛЕКСИЯ ЧУВСТВ

о сироте, потерявшей смысл жизни в
потрепанных дневниках

Анастасия Александровна Рогозина

Рефлексия чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42594135

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда Диля очнулась в больнице, весь мир рухнул. Она даже не помнит своего имени, а родители погибли в автоаварии. Ее жизнь превратилась в кошмар: соседка-самоубийца решила ее удочерить, отобрать квартиру, а все ее воспоминания хранятся в потрепанных дневниках. Когда-то для девушки они были всем: друзьями, родными и каждым днем ее жизни. Дневники стали единственным лекарством от амнезии, пока Диля не научилась по-настоящему ценить свою чертову жизнь и каждый ее миг.

Я нашла эти записи, когда собрала вещи. Куча пыльных старых бумажек, с порванными листами и ароматом сирени. В них были все мои мысли, эмоции, чувства и желания. Маленькая Диля любила дневники и блокноты больше, чем своих родных и друзей. О чем, кстати, пожалела. Ведь человек не сразу понимает, что и сколько он потерял, верно?

Я вела дневники с восьми лет. Они были больше, чем бумажками – они были моей жизнью. Моими тайными друзьями и собеседниками. Являлись лучшим, что было на земле. А потом я потеряла все: друзей, родных, средства к существованию и свою память. Это произошло в феврале; когда снег в Санкт-Петербурге становится непредсказуемым явлением, он сначала тает, и снова валит сугробами. Мы тогда ехали к родственникам, путь был долгий и проходил в лесополосе (а где еще он может проходить?). Во время дороги я очень устала, и, дослушав музыку до потери зарядки телефона, я сомкнула глаза. Я не помню, что я тогда слушала, где мы ехали, что мне снилось. Я резко открыла глаза, яркая вспышка света, грохот, звон разбитого стекла, адская боль. А дальше – как в тумане.

...Я очнулась в больнице. Яркий свет немного слепил гла-

за, когда я впервые их открыла. Что со мной произошло? Что я здесь делаю?

Комната, в которой я проснулась, была чистой, но не совсем уютной. Я оглянулась, слегка повернула голову, но даже это движение далось мне с трудом и отозвалось болью. Я лежала на кровати, ко мне была подсоединена капельница, которая раздражала своим пищанием. Рядом стояли две заправленные кровати; две тумбочки, а в уголке комнаты была раковина и мусорка. За дверью слышались чьи-то голоса и шаги. Больница гудела, как рой пчел: тут и там жужжали разговоры, бегали маленькие дети, ходил медперсонал. Слабая пластиковая дверь в палату закрывала меня от мира сего, а я и рада. Слышать многочисленное жужжание разговоров мне не очень хотелось. Вскоре быстрые шаги приблизились ко мне, скрипнула дверь, и в комнату вошла незнакомая женщина. Она была в синем пиджаке, серых рваных джинсах и наскоро накинутом белом халате. Я уже открыла рот, чтобы что-то спросить, но она опередила меня:

– Диля, наконец-то ты очнулась! Какое счастье, что я увидела тебя живой, – со слезами на глазах сказала женщина. Я лишь недоуменно нахмурила брови; кто она?

Я оглядела ее с головы до ног: на вид ей лет 40, блондинка, на щеке небольшой шрам, а руки до жути холодные – она попыталась обнять меня. Но я ее оттолкнула, спросив очевидное:

– Кто вы? Откуда вы меня знаете?

Женщина отстранилась и вскинула кустистые брови:

– Как же? Ты меня не помнишь? Я Вика, мать твоего лучшего друга.

В комнатку вбежали двое мужчин и девушка; они были взволнованы, их глаза блуждали по комнате и остановились на незнакомке, которая минуту назад назвала меня Дилей.

– Женщина, неужели вы не понимаете русского языка? Вам же ясно сказали, что пациенту необходим покой, а вы врываетесь в самое ненужное время! – яростно кричал один из мужчин, схватив женщину за руку.

– Но и вы меня поймите! – вырвавшись, ответила незнакомка. – Ее родители погибли, а я являюсь единственным человеком, который может помочь ей!

Что? Родители погибли? Да что за чертовщина происходит в этом ужасном месте?

– Мы прекрасно вас понимаем, но прекратите эти крики и выйдете из палаты.

Блондинка зло посмотрела на мужчину, и, улыбнувшись мне на прощание, быстрым шагом вышла из комнаты.

– Наконец-то, – вздохнул другой мужчина. – Попадают же бешеные...

Девушка, которая все время наблюдала за перепалкой, понимающе кивнула и подошла ко мне:

– Здравствуй. Я – твоя медсестра, и мы очень рады, что ты проснулась. У тебя не было признаков жизни около недели, словно ты погрузилась в вечный сон. Как ты себя чувству-

ешь?

«Ужасно,» – подумала я. Я очнулась в больнице, и со мной общаются незнакомые мне люди. Но я решила, что мое внутреннее состояние здесь никого не волнует, поэтому сухо ответила: «Хорошо.»

– Здорово! – ответила медсестра, хлопнув в ладоши. – Сейчас тебе нужен покой, а потом мы вместе пойдем на арт-терапию.

– Постойте, но что со мной случилось? Как я здесь оказалась? – остановила я медсестру, которая уже была в дверях.

Девушка лишь недоуменно на меня посмотрела; ее брови были нахмурены, а карие глаза красиво сверкали при свете комнаты. Она постояла молча, задумавшись, а затем спросила:

– Диля, а ты что-нибудь помнишь?

Этот вопрос поставил меня в безвыходное положение. Хотя, я ведь даже не знаю, как меня зовут. Или «Диля» – это мое имя?

– Нет, я даже не знаю, кто я.

Медсестра глубоко вздохнула, расстроившись.

– Не волнуйся, я сейчас поговорю с твоим врачом, и после покоя вернусь.

Так вот, что это были за мужчины? Один из них мой лечащий врач. Но если два мужчины и медсестра – это медперсонал, то кто та женщина? Она называет себя «тетей Викой», и что-то сказала о моих родителях. Вроде, что они погибли.

Но как? Почему оказалось, что я проснулась вот так...
...я проснулась одна.

2

В тот день я узнала свою болезнь – ретроградную амнезию. Когда ты теряешь память, но не помнишь только все, что было до момента происшествия. А вот все остальное воспринимается и запоминается очень ярко. В этом я сама убедилась: в тот злосчастный день, когда очнулась в этом здании.

В больнице я находилась около месяца. На своей руке я заметила небольшую надпись: «держай и живи так, как хочешь. (с) Регина.» Я не знаю, что это за татуировка, и что за девушка Регина. Я практически ничего не помню, а татуировка на руке лишь добавила загадочности. Я повторяла эту фразу каждый раз, когда взглядывала на руку. Я отчаянно повторяла ее снова и снова, пытаюсь вспомнить, когда и зачем у меня на руке появилось это тату. Татуировка настоящая: это подтвердила медсестра. Тату не смывалось и всегда оставалось неизменным. Хотелось бы, чтобы это была единственная зацепка для воспоминаний, но она оказалась лишь еще одной проблемой и вопросом. Я никак не могла вспомнить, что это за тату. В конце концов, просто сдалась. А вскоре перестала обращать внимания на татуировку.

Каждый день в больнице я повторяла одно и тоже: кушала,

спала, проходила терапию и ходила на обследования. Немного вспоминала свою жизнь, родителей, друзей. Воспоминания давались мне с трудом, каждое приносило боль и усталость.

Медсестра с каждым днем становилась мрачнее. Я узнала, что ее зовут Юлия, она замужем, пару раз путешествовала за границей; но из-за кризиса в стране, тяжелой болезни матери и собственных убеждений она осталась в Санкт – Петербурге, работать и лечить маму. Она никогда не говорила о своих проблемах, была замкнута в себе и часто говорила, что во многих проблемах людей виновато правительство. Я так не думаю, но разве обречённого человека убедишь, что в проблемах виноват только он сам?..

Ко мне иногда приходила тетя Вика. Она рассказывала мне о своем сыне, о том, что мы хорошие друзья еще с детского садика. Тетя Вика говорила, что они с моей мамой очень хорошо общались, что живет Вика в одном доме со мной, что часто будет навещать меня и помогать мне, чем сможет. Я безумно благодарна этой женщине, потому что в часы потрясений она спасала меня от одиночества. Но в некоторые часы покоя, когда Вика не приходила, мне хотелось плакать от одиночества и внутренней боли, от которой не спасали лекарства. Эта боль проявлялась в некоторые моменты, например, когда я подходила к зеркалу и видела шрамы на лице, полумесяцы под глазами и бледно-туманную кожу. Я превратилась в зомби, пока проходила лечение! Мне

это жутко не нравилось, и я думала, что в реальной жизни выгляжу именно так. Я не помнила, как выглядели мои темные волнистые волосы; не помнила своих румяных щек; не помнила огоньков в глазах. На меня смотрело лишь чудовище, и убеждало в моей ничтожности.

Кто-то мне сказал, что нелюбовь к себе – странная штука. Ее не заметишь сразу, но спустя время она поглотит твое сознание, и ты утонешь в ненависти. Страшнее то, что после погружения на дно, ты потянешь за собой других людей. Если это движение к ненависти не остановить, весь мир погрузится на дно темного океана.

Я не помню, кто и когда мне это говорил, но фразу я запомню навсегда. Ведь от любви до ненависти всего один малюсенький шаг, который может превратить жизнь в череду неудач. Впрочем, в больнице отношения с соседями не налаживались: пациенты были либо обреченные, как я, либо очень злые и обиженные на жизнь. Было несколько человек, но они то пропадали, то снова блуждали по коридорам. Мне даже начало казаться, что они плод моего воображения; полупрозрачные люди в белых халатах, с улыбками на лице и звонким смехом. Они разговаривали, шутили, веселились на полную. Иногда я задумывалась: либо у меня крыша поехала, либо у этих людей. Странные видения были только у меня, но я точно их видела! Юлия сказала, что это побочные действия от лекарств, не более. Что ж, я ничего в этом не мыслю, но эти видения стали лучшей штукой для выздоров-

ления. Мне хотелось поскорее свалить из этого места, от него веяло грустью и болью.

3

День двадцать седьмой.

Я уже потеряла счет времени. Я не знаю, сколько осталось до моего выздоровления, не знаю, что происходит со мной и моими чувствами. Из-за ужасных видений я долго отказывалась от лекарств, но меня заставили выпить все до единой капли.

Я ужасно хочу домой. Но так ли хорошо дома, как кажется? Сейчас у меня нет ни документов, ни денег, ни вещей. У меня ничего нет, кроме рюкзака, который я брала в дорогу, когда мы уезжали к родственникам. По словам медсестры, мои родители погибли. Их не успели спасти; они продержались весь путь до реанимации, ехали около часа, но в самой реанимации не выжили. Сказать, что мне обидно – ничего не сказать. Проснуться в незнакомом месте, в одиночестве, да еще и с амнезией! Чем я могла так нагрешить, что заслужила эти страдания?

Иногда я представляю, что было бы, если бы родители выжили. Как они бы выздоровели, мы вместе справились бы со всеми трудностями. Родители помогли бы мне вспомнить все счастливые и грустные моменты моей жизни; мы бы вернулись домой, и стали жить счастливо. Я б каждый день видела их улыбку, слышала сладкое «доброе утро» и спокойно

радовалась жизни.

Жаль, что на самом деле все вышло не так, как хотелось. Суровая реальность меня подвела. Теперь я не только вернусь домой одна, мне придется собрать вещи и поехать к бабушке. Бабушка, папина мама, ни разу меня не навестила, хотя живет в Питере. От нее не было ни слуху, ни духу. Между разговором, Вика иногда говорила, что бабушке плевать на меня. Что она никогда не воспринимала мою мать всерьез, и у них были напряженные отношения. «Кто знает, может, после смерти твоего отца, она изменит свое мнение,» – пожимала плечами Виктория.

– А что ты думаешь по этому поводу? – спросила у нее я. Виктория гораздо старше меня, и ее мнение мне было интереснее.

– Я не знаю всей ситуации, поэтому судить никого не буду, – задумчиво начала она. – Но я думаю, что бабушка слишком контролировала своего сына, а ведь твой папа говорил, что у него есть сестра, – продолжала Вика, глядя в пол.

– Сестра? То есть, у меня есть тетя? Я могу ей позвонить? Она что-нибудь знает о моей жизни, родителях? – сразу засыпала вопросами я.

– Тихо, тихо, погоди, – засмеялась Вика, подняв руки вверх. – На самом деле, он мало говорил о своей сестре, но дома ты сможешь поискать ее номер. Наверняка он есть в телефонной книжке твоего отца.

– Кто-то еще ведет телефонные книжки? – я выгнула левую бровь, посмеявшись.

– Нет, но твой отец был из тех времен, – тётя Вика махнула рукой назад, показывая, насколько древним был мой папа. Мы вместе засмеялись, но ей было пора уходить. Она кивнула на прощание и ушла. Я снова осталась наедине с собой.

Тогда я получила одну единственную зацепку: у меня есть родственники, и возможно, я смогу с ними связаться. Нужно лишь собрать волю в кулак: я смогу сделать все, что нужно. Я должна найти родственников, маминых или папиных. Это поможет мне восстановить свою память!

4

Настал тот день, которого я ждала все это время: я наконец-то ухожу отсюда. Меня выписывают. После проведения небольшой лекции о том, как стоит переходить дорогу, как спокойно выживать и жить в удовольствие, я забрала свои документы и вышла из больницы.

У этого случая было две стороны медали: с одной, я ухожу из ужасного места, где была одна и не чувствовала любви. А с другой, я по-прежнему одна, без поддержки и любви, только сейчас я в городе, в обществе, к которому нужно привыкнуть.

Мимо меня проходили люди, вечно куда-то спешащие; их сонные лица давали знать, что за работой они не спали

несколько дней. В таком большом городе, как Санкт-Петербург, всем плевать на остальных. Все равно, как кто одевается, выглядит, чем занимается и что чувствует. Стрелочка на навигаторе телефона помогла не потеряться в этой огромной толпе, и я спокойна шла по указанному адресу. Мне сказали, что это мой дом. Но я не думаю, что как только я вернусь домой, сразу все встанет на места. Точнее, уже давно ничего не будет, как прежде. После автокатастрофы я не буду как прежде.

Об автокатастрофе мне рассказали в больнице: это причина гибели моих родителей и моей потери памяти. Как выразилось несколько сотрудников больницы: «Неудивительно, ведь в феврале часто происходят автоаварии.» Тогда я усмехнулась; для них это неудивительно, а я уже месяц жила в этом неуютном месте, без родителей и памяти.

Я запомнила разговор с Викой; мне нужно вернуться домой, порыться в вещах родителей (как бы больно мне не было) и найти номера всех родственников, которые могли бы мне помочь. В больнице меня собирались отправить в детский дом, но Виктория напомнила, что у меня есть бабушка, и одна я точно не осталась. Я сотню раз благодарила эту женщину; она спасла меня от одиночества, помогла в трудный момент и продолжает помогать. Похоже, что они с мамой действительно очень хорошо общались.

Я спокойно шла по улице, следовала навигатору. Около дома меня должна была встретить Виктория. Ключей от до-

ма я не нашла даже в рюкзаке, и у тети Вики их тоже не было. Но вдруг она вспомнила, что ключи есть у моей соседки; когда мы уезжали, она должна была поливать цветы и присматривать за квартирой.

Кажется, что моя жизнь налаживается. Но никто не знает, что ждет меня дальше. А очень хотелось бы; представь, что у каждого жителя планеты есть часы, которые показывают, сколько ему осталось жить, что его ждет впереди, какие ошибки он совершит. Но тогда жить было бы не интересно! Человек не мог бы учиться на ошибках, если он их не допускал. Знать, какие препятствия ждут тебя впереди слишком скучно.

Ведь жизнь похожа на бескрайнее плавание по огромному океану. Ты спокойно плывешь на своей мирной лодке, дышишь свежим морским воздухом. У тебя над головой ясное голубое небо; под лодкой лазурная гладь океана, в которой отражаются чайки и облака, летящие в никуда. Но вдруг начинается шторм. Поднимаются громадные волны, бросают твою маленькую лодку из стороны в сторону. Ты уже не видишь горизонта, чаек, свою лодочку; ноги тяжелеют; морская волна вновь накрывает тебя, ты захлёбываешься водой. Утром просыпаешься на острове, а от прошедшего шторма не осталось следа, кроме разбитой лодки и порванной одежды. Ты начинаешь снова ее строить, остаешься без пропитания, которое сам должен найти.

Какие бы проблемы у тебя ни были, ты сама попадаешь

в шторм, тебя одолевают опасности и препятствия. Все это ради того, чтобы проверить, как долго ты сможешь плыть.

5

На улице было грязно и сыро, но домой я возвращаться не хотела: меня не ждут.

Вдруг меня посетила страшная, но правдивая мысль: «А на что я буду жить?» Похоже, что придется пойти на работу. В больнице мне рассказали о всяких штуках для учебы и работы. Изначально меня должны были отправить в детский дом, но я не согласилась, а «тетя Вика» сказала, что у меня есть бабушка. Один раз я слышала, как она проболталась, что бабушке я не нужна, она устраивает свою жизнь. Все мои звонки она сбрасывала трубку, и я окончательно убедилась, что я одна.

Шлепая по воде, я дошла до кирпичного здания, моего дома. Оно было многоэтажное, может, этажей двадцать или тридцать. У здания меня ждала Виктория.

– Здравствуй! Это – парадная, – Вика провела меня к третьей двери дома.

Я подошла к домофону, набрала случайный номер квартиры, зажала нос пальцами и сказала:

– Откройте, пожалуйста, почта.

На другом конце хмыкнули, но дверь открыли.

В подъезде пахло сыростью, на первом этаже перегорела

лампочка, стены исписаны признаниями в любви и нецензурными словами. Да, это точно мой подъезд.

Я поднялась на свой этаж; оглянулась, чтобы найти дверь своей квартиры, как вдруг открылась соседняя металлическая дверь. Из квартиры мягко вышла женщина в тапочках, она несла тарелку с чем-то вкусным, что можно определить по запаху. Худенькая, русые волосы и карие глаза; круглое лицо, небольшой аккуратный нос. Женщина в тапочках, увидев меня, радостно сказала:

– Диля, какой приятный сюрприз!

Я недоуменно повела левой бровью – снова незнакомая женщина, которая знает меня. Скорее всего это та самая соседка, у которой должны быть ключи.

– Простите, я ничего не помню, вы моя соседка?

Женщина чуть не уронила тарелку; от удивления ее зрачки глаз расширились, или это от темноты в коридорчике.

– Да, я ваша соседка! Меня зовут Галя, и я очень хорошо дружила с твоей мамой.

Я кивнула; соседка выглядела сонной: растрепанные волосы, накинутый на домашнюю одежду халат, тапочки, немного смазанная тушь.

– У вас случайно нет ключей от моей квартиры? Я не знаю, куда делись мои.

– Да, есть! Когда вы уезжали к родственникам, я поливала ваши цветы. Не хочешь зайти на чай?

– Давайте зайду, я никуда не тороплюсь.

– Хорошо! Мне нужно лишь отнести эти булочки соседям снизу, – подмигнула мне Галя. – Они просто обожают выпечку, а я в этом мастер!

Галина открыла металлическую дверь, и я прошла в небольшой коридорчик; в квартире было очень светло и уютно, несмотря на старую мебель и маленькую жилплощадь.

Я сняла куртку и повесила на крючок, разулась, оставила рюкзак у входа и пошла на кухню. Присела за круглый бежевый стол, стала ждать Галину. Пока ее не было, я решила оглядеть комнату: походила из стороны в сторону, разглядела фотографии на стене. Около окна, на подоконнике, стояла стеклянная баночка, а в ней был пепел и сигареты. Невольно я скривилась: ужасный запах исходил от этой баночки, но не распространялся на всю кухню.

Я услышала, как захлопнулась металлическая дверь. Запыхавшаяся соседка прибежала на кухню и поставила чайник на плиту.

– Присаживайся, что стоять-то, – сказала Галина.

Я вновь присела за стол и снова рассмотрела интерьер. Кухня Галины была оформлена в морском стиле: голубые, синие, бирюзовые тона; элегантные, но одновременно простые приборы, чашки, тарелки; панорамные окна; картины в деревянных рамах с завитками. Глаз зацепила яркая картина. На ней изображен шторм, алый закат и несколько путников на остатках корабля. Галина встала около плиты, достала все возможные вкусности и положила на стол, а затем

спросила:

– Что случилось с тобой и родителями?

Я оторвала глаза от картины «Девятый вал». На деревянной раме с завитками было написано название и автор. Рама была не просто с завитками; в дереве были вырезаны часы: наручные, настольные, с кукушкой, и современные. Вся композиция дополнялась часовыми стрелами самых разных завитков и форм.

– Нравится картина? Или рама? – ухмыльнулась соседка.

– И то, и другое.

– Дизайн картины напоминает мне о времени. Что оно быстротечно, и его нельзя остановить.

– Время – это всего лишь иллюзия.

Галина снова ухмыльнулась и вскинула брови. Развернулась ко мне спиной, достала две кружки, чай, сахар.

– Я бы спросила, какой чай ты любишь, но помню лучше тебя, что зеленый, – усмехнулась она.

– Мне все равно, какой чай пить. Главное, чтобы беседа была хорошая.

Я улыбнулась; жаль, что соседка не видела эту улыбку. Что сказать, если меня хотят подколоть, я усмежусь в ответ.

– Ты так и не рассказала, что с вами случилось, – заметила Галя, сменив тему.

– А что помните вы? Куда мы уезжали? Когда?

– Я помню, что вы уезжали в начале февраля. Прошел месяц с того момента. Вы ехали к Рининым родителям, и долж-

ны были пробыть у них две недели.

– К Рининым?

– Да, твою мать звали Рина. А отца – Максим.

– Этого мне даже Вика не рассказывала, – удивилась я.

– Вика? Мать твоего друга? Она приходила к тебе?

– Да, часто. С ней очень здорово! Она столько всего мне рассказала!

– Как бы она неправды тебе не наговорила, – нахмурилась

Галя.

Я замолчала. О чем она говорит? Даже представить не могу, что такой человек, как Виктория, может меня обмануть. Обмануть насчет моего прошлого!

– О чем вы говорите?

– Виктория может быть не той, за кого себя выдает. Впрочем, я считаю ее слишком строгой и самовлюбленной.

– Вы неправильно считаете, – надула щеки я.

– У всех есть право считать так, как показывает собственный опыт.

– Сплетни – это тоже собственный опыт? – выгнула бровь я.

– Хватит ненужной болтовни! Расскажи, что с тобой случилось. – вспыхнула Галина. Похоже, что моя последняя фраза ее разозлила.

Я закрутила прядь кудрявых волос на пальце. Чайник закипел, и свисток на носике засвистел громче, чем любые звуки, которые я помню. Соседка выключила плиту, взяла при-

хватку и налила чай в кружки. Поставила их на стол; из бирюзовой кружки шел ароматный пар; кажется, пахло мятой.

– Мы попали в аварию, и родители не выжили, а я потеряла память, – сказала я.

– Тебе, должно быть, очень грустно, – задумалась Галина. – Но ничего страшного: все, что не убивает, делает нас сильнее.

– Типичная фраза, ее знает каждый.

– Популярность не делает ее лживой.

Соседка шумно сделала глоток чая. Побарабанила пальцами по столу, беспокоясь. Она открыла один из бежевых ящичков; в нем лежали свечи для тортов, различные трафареты для выпечки и печенья, пачка сигарет и несколько зажигалок. Галина взяла одну сигарету и зажигалку, зажгла конец сигареты и отвернулась в сторону форточки.

– Вы курите? С каких пор?

– С тех самых, когда потеряла семью. Ах да, ты ведь не знаешь: мой муж покинул меня, когда мне исполнилось сорок пять лет. С тех пор я живу одна, остальные мужчины мне не нравятся. Сигареты – единственное спасение в этой жизни. Они спасают меня от боли.

– В мире миллионы сигарет, но не все спасают от боли, – заметила я

– Что ты хочешь этим сказать?

– Хочу сказать, что зависимость не помогает и никогда не поможет справиться с болью. Вы просто привыкли думать,

что жизнь полна несчастий и единственный выход – тратить здоровье на хоть что-то, пусть и на всякую гадость. Ваша боль – это лживые убеждения. Единственное, что делают сигареты – убивают. Жестоко убивают! А Вы слепо верите, что всё хорошо и получаете удовольствие от собственных плохих мыслей. А это точно не спасёт от вечного одиночества.

– А ты умнее, чем кажешься.

– А вы глупее.

Галина усмехнулась, выдохнула очередную порцию едкого дыма в форточку. Слышно тиканье настенных часов. Я решила, что через пятнадцать минут я возьму ключи от своей квартиры и уйду. Мне еще нужно поискать документы и фотографии в семейном архиве. Галина продолжала выдыхать дым в форточку, задумавшись. А затем спросила:

– Сама-то хоть раз курила, м?

– Не-а. Только проблем с легкими не хватало; даже если курила, я об этом не помню.

– Если бы ты курила раньше, сигареты и едкий дым вызвали отклик у тебя в душе. Так всегда происходит, когда ты видишь или слышишь то, что нравится. Ты это чувствуешь.

Все-таки, моя соседка какая-то странная. С одной стороны, она курит, страдает по покойному мужу, живет в одиночестве, а с другой – хорошие вещи говорит, выпекает вкусности. Галина наблюдала за моим выражением лица; точнее, какое впечатление на меня производят ее редкие фразочки.

– Я прекрасно понимаю, каково это – терять близких. Но

не иди по моим стопам, нужно жить дальше, – усмехнулась она.

– Да, но я не знаю, как жить дальше.

– А что ты собиралась делать, когда тебя выпишут из больницы?

– Я должна была собрать вещи и ехать к бабушке, – грустно ответила я. – К той самой, которая знает обо мне не хочет и при первой возможности избавиться от меня.

– Это тебе Вика рассказала?

– Я сама так думаю.

Повисла неловкая пауза. Этот момент на морской кухне соседки словно длился вечность; Галина думала, крутив на пальце локон волос, а я рассматривала чайники на дне кружки, мешая их ложкой. Они собирались в дружный танец, и ходили по кругу.

Внезапно соседка решила нарушить тишину:

– Может, мне тебя удочерить?..

От такого неожиданного предложения я спрятала взгляд в кружке. Даже если я соглашусь, это так странно: почти незнакомая женщина (которая, возможно, меня не так хорошо знает) предлагает удочерить меня и взять ответственность на себя. Думаю, что для меня хуже уже не будет. Я согласилась, и Галя очень обрадовалась. Да и ей хорошо: не нужно сидеть в вечном одиночестве. Я еще сотню раз просмотрела этот момент у себя в голове. Чем я думала? Но что ни делается – все к лучшему, верно?

Жаль, что тогда я не задумывалась, какую ужасную ошибку совершила.

6

День тридцать третий.

После разговора с Галей я пошла в соседнюю квартиру. Мы с Галей договорились, что удочерение обсудим позже, а я вернусь домой и отдохну от стресса за последний месяц.

Я зашла в квартиру моих родителей; моей семьи. Я открыла дверь, и в нос ударил запах кофе. Грустно возвращаться в опустевший дом. Здесь остались вещи хозяев: книги, халаты, тапочки, ежедневники... только людей уже нет. Дом – это когда при виде вещей, мебели, при чувстве запаха, который есть только у твоего дома, возникает родное чувство. Ты словно оказался в том месте, которое искал всю жизнь. И, когда ты нашел свое место, ты становишься счастливым.

Жаль, но у меня все далеко не радужно: в доме было пусто. Запах, вещи, интерьер остались такими, какими были. Но теперь это не родное место. Здесь не появляется чувство родного, того, что отзывается мягким светом и надеждой в душе. Появляется лишь тяжелая тоска и печаль, словно кто-то выключил свет. Источник света и смысл его искать потерял. Столько произошло в этой квартире: помню, как мы только заехали, и это были ледяные и серые стены. Но спустя несколько месяцев и перерывов мы сделали из холодных

и бездушных стен настоящий уютный уголок, где нет места злости и обидам.

Казалось, что ничего не изменилось; но я точно знала, что как раньше же не будет. На крючках висели куртки, кофты, под ними стояла обувь. Я подошла к зеркалу и тумбочке. на ней стояли духи, различная косметика, бумажки, вроде списка покупок или задач на день. Я вдохнула аромат духов; и сразу вспомнилось что-то родное, доброе... Похоже, что этими духами пользовалась мама.

Я прошла в гостиную; часть комнаты отделялась нитяными шторками, а за ними стояла огромная кровать, туалетный столик и комод-гардероб. Мне очень хотелось рассмотреть вещи родителей, но больше хотелось поискать документы и блокноты. Один из маленьких черных блокнотов я нашла на полке в гостиной; на обложке были записаны имя и фамилия моего отца, а сам блокнот был заполнен задачами, телефонными звонками, встречами. В ящиках тумбочек и шкафов было очень много бумаг; а один раз я нашла альбом с фотографиями. Я присела на диванчик, открыла альбом. В самом начале были черно-белые фотографии; на них были изображены дети. Все девочки на фото были в сарафанах, огромными бантами и красивыми косичками, хвостиками; мальчики были в чем-то, похожем на костюм; рубашки, брюки. Все дети построены в ряды, а выше, в середине верхнего ряда, стоит женщина. На обратной стороне фотографии написано: «Первый «А» класс, третья школа.» Теперь мне стало

понятно: на этой фотографии кто-то из мои родителей в первом классе. Мне стало очень стыдно! Посмотреть на фото своего родителя в первом классе, и даже не догадаться, кто из детей твоя мать или твой папа. Я ведь их даже не помню...

Тогда я продолжила листать фотографии: свадьба моих родителей, бабушки и дедушки, счастье и улыбки на каждой фотографии. Мое рождение: мама держит меня на руках, а рядом стоит папа с букетом цветов. Все так рады, когда я появилась на этот свет; столько счастья вселенная подарила мне при рождении. Похоже, что радости при рождении слишком много, поэтому вселенная решила забрать главное мое счастье. Людей, которые меня любили. И я их любила. Сейчас люблю больше, чем когда-либо. Жаль, что больше всего любви ты хочешь подарить, когда жизнь отбирает все радости...

Жизнь – боль.

Я продолжила рассматривать фотографии. На альбом уже капал соленый дождь, а каждое изображение вызывало тяжесть на сердце. Вот я маленькая – сижу у папы на руках; на фоне природа, сзади отца несколько людей сидят на пледе; похоже на пикник. Рядом протекает речка, а по белым одуванчикам можно определить, что это июнь.

Вот еще одна фотография: мой день рождения. Я задуваю свечу на торте; свеча – цифра «5», торт с кремом, на нем изображены знаменитые феи с крыльями. На моем лице сияет улыбка. Будет ли теперь все так хорошо? Я посмотрела на

обратную сторону фотографии, написано число и подпись: «Нашей Диле пять лет. 25.08.»

Я решительно закрыла альбом. Не хочу больше мучать себя этими фотографиями. Продолжила искать хотя бы одну телефонную книжку, блокнот, или хоть что-то, связанное с другими родственниками. Мне удалось найти телефонную книжку отца; она лежала на поверхности, а номера в ней были разделены по категориям, вроде: «Родственники» или «Коллеги». В колонке «Родственники» я нашла надписи «сестра», «теща», «сестра Рины», и еще множество номеров. Я судорожно набрала номер сестры отца.

Послышались долгие гудки; кажется, они длились целую вечность. Я долго ждала, пока мне ответят. Гудки, гудки, гудки. Когда надежда на ответ уже пропала, трубку взял незнакомый, грубый мужской голос.

– Алло, да? – сухо сказал он.

– Здравствуйте, я Диля Варфоломеева, у вас таких не найдется? Я ищу сестру своего отца.

– Прости, девочка, но ты ошиблась номером. Не звони сюда больше.

– Но нет, постойте! – прикрикнула я. Но звонок был завершен.

Тогда я позвонила еще раз, и еще, и еще. Мужчина даже не объяснил мне ничего, а я ничего не узнала. Я звонила и звонила, и гудки шли с каждым разом все медленнее. Я не могла просто так сдаться, ну не могла! Но звонок стали сбра-

сывать, и я уже точно ничего не узнаю.

Тогда я решила позвонить на номер моей бабушки. Мамина мама – у папы записана как «теща», а рядом «(Анна Николаевна)». Я снова набрала номер, послышались гудки. Я уже скрестила пальцы в надежде, что хоть кто-нибудь возьмет трубку. Но железный голос автоответчик лишь промолвил: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа.» Я отбросила телефон на кровать; я сдалась. Пора смириться с тем, что я могу остаться одна. Сейчас я не одна: у меня есть тетя Вика, Галя, но даже они не так хорошо знают и понимают меня, как родители. Кажется, я должна смириться с тем, что родителей больше нет. И остальным родственникам все равно.

Я прислонилась к стене, и по щекам снова полились слезы. Я обязана пережить весь этот ужас, просто обязана. Хотя бы ради себя. Глаза стали слипаться, от усталости уже нет сил на слезы. Я легла на кровать родителей, усталость взяла свое, и я уснула.

7

Все тот же, тридцать третий день.

Я проснулась вечером, когда за окном уже было темно. Часы на телефоне показывали 20:34; я проспала почти весь день. Я чувствовала себя лучше, чем до этого. Я встала с кровати, сделала небольшую зарядку и прибралась в комнате. Мне нужно было чем-нибудь заняться, и я пошла на кухню;

включила свет, поставила чайник. Интересно, а какие памятные вещи есть здесь?

На холодильнике висело множество магнитиков из стран, обычные круглые магниты закрепляли списки, рецепты, фотографии. На фото – моя семья, я, праздники. Пока чайник не закипел, я прибралась; выбросила всю еду, которая испортилась за этот месяц, помыла посуду.

За эти несколько часов я прочувствовала, как же трудно жить одной. Все хозяйства сразу на тебе: уборка, посуда, обед и ужин, покупка продуктов, деньги для закупки продуктов. Чуть позже я должна обговорить удочерение с Галей и найти нужные документы, а пока я просто попью чай. Скорее бы найти больше информации о себе, о своем прошлом. Надо бы заглянуть в свою комнату. Может, в ней я найду самую важную информацию о себе, или незначительную, но все же. Зачем гадать, если можно встать и сделать?

Но точно не сейчас. Меня тяготило ощущение того, что я раньше жила в том доме. И в глубине души был страх: вдруг мое прошлое окажется не таким, каким я его представляю? Вдруг меня не любили в этой семье, а все доброе отношение сейчас – всего лишь обман? А если я окажусь плохим подростком, неблагодарной дочерью или чего похуже? Что, если... ах да, я напишу об этом завтра. Сейчас я допиваю чай на чистой кухне и мне снова хочется спать.

Пока есть чуть энергии, расскажу, что это и куда я это пишу.

Я открыла новый блокнот в своем рюкзаке. Я брала его в дорогу; может, я собиралась писать заметки в поездке? Или собирать гербарий? Кто меня знает? Сейчас я знаю себя хуже, чем кто-либо другой. Впрочем, из блокнота я решила сделать дневник чувств. В него я буду записывать все свои мысли, чувства и предположения. Признаю, что выговариваться мне некому, поэтому буду мучать бумагу своими мыслями. И каждый день буду записывать сюда разные штуки, цитаты, мысли, планы и так далее. Сейчас главная цель – выспаться. Завтра утром поговорю с Галей, и мы вместе оформим документы. Останется только следовать ее указаниям, потому что я сама в удочерении и документах не разбираюсь. А сейчас на часах 02:26. Спокойной ночи, дневник.

8

Прошло несколько дней. Галя удочерила меня; теперь она официально моя мать. Я хотела сообщить радостную новость Вике, но Галя сказала, что мы встретимся в парке. Сейчас мы прогуливались как раз среди маленьких деревьев, около лавочек и людей.

Галя мне рассказала, почему она не любит тетю Вику. Хотя мне она очень нравится! Потому что только она пришла в трудный момент на помощь. Галя Вику просто ненавидела: она плохо готовит (Галя прекрасно печет, и ей не нравятся люди, которые не занимаются тем, чем она); Вика много рас-

сказывает, а это лишь напрягает мою мать. А еще произошел случай, когда Галя встретила своего мужа и Вику в не очень хорошем положении. К слову, у обоих этих сплетниц мужа погибли, и этим они похожи.

Слякоть, грязь и вода. Примерно так выглядела земля под ногами, в воздухе чувствовалось тепло наступающей весны. Начинаясь март; почти конец школьной четверти – уставшие школьники плелись домой; где-то среди этой толпы шли мои одноклассники: многие из класса живут в этом районе. Как же давно я их не видела. Вернее, я их даже не помню. Не знаю, как они выглядят, чем увлекаются, какие отношения у меня были с ними. Но одного я знала – Вика успела мне рассказать про моего друга детства и ее сына. Показывала мне фотографии, рассказывала истории. Может, поэтому меня так тянуло общаться с ним?

На фотографиях передо мной был парень лет семнадцати. Рыжие волосы, угрюмый взгляд серых глаз – мечта любой девушки. Но не моя, как я думаю, мы просто друзья детства. С Артуром мы знакомы еще с садика – я тогда не играла в куклы, но обожала побегать, покидать мяч. Бывали случаи, когда я дралась с мальчиками, да и с девочками тоже.

По словам Вики, мы большинство времени проводили вместе. Именно это были прогулки после школы, различные походы наших семей на пикники простые развлечения. Хотя у меня характер не малина, общение было очень хорошим. После школы часто гуляли, иногда попадали в такие места,

что еле выбирались живыми; строили шалаши, а один раз перебирались с каких-то развалин через забор детского сада, по дереву – и обратно.

Если бы у меня был выбор между тысячей долларов, общением с завистливыми подружками и Артуром – я выбрала бы последнее. Даже несмотря на то, что я почти ничего не помню. Хотя отрывки воспоминания все же всплывали в голове; но это были лишь обрывки, и иногда я совсем не могла их соединить. Словно мне дали огромную кучу пазлов, и ни один не подходил к другому. А потом оказалось, что все эти пазлы из разных наборов. Воспоминания могли прорываться даже через сон – и это тот случай, когда не можешь понять, на самом деле происходило действие или нет. Так, о чем это я? Ах да, об Артуре.

Вика рассказала, что сейчас он изменился. «Теперь он стал серьезным пофигистом, и я не знаю, что с этим делать,» – часто упоминала она. А я не могу ей помочь – может, взросление, оно такое? Когда ты более заинтересован в своей жизни, а не в советах родителей и их строгости. К слову, мать у Артура то, что надо. Она очень строгая! Или просто одинокая?

Если человек начинает интересоваться в своей жизни больше, чем в остальном, это нормально. Скучный взрослый назвал бы это «переходным возрастом», а я называю это «формированием личности»; расставление приоритетов, жизненных ценностей, осмысливание отношений с кем-ли-

бо – не переходный возраст. Как всегда, взрослые ничего не понимают, даже не пытаясь вспомнить себя. А толку? Времена меняются, люди тоже – это нужно принять. Нет смысла стараться менять нынешнее поколение. Оно не изменится; не станет таким, как в 90-стых. Потому что технологии, образование, стереотипы, все стало другим. Все поменялось, а консерваторы остались. Именно такие люди все время кричат о «плохом поколении», о том, что «раньше было лучше».

Я часто ссорилась со взрослым человеком, хотя сейчас даже его лица не помню. Он с яростью твердил мне, что я ни на что не способна, не умею творить, не приношу пользы остальным. Еще чаще человек кричал, что новое поколение потерянное. Что его нельзя исправить, иначе все были бы... А вот этого не помню, хоть тресни.

Но если почитать учебники истории и открыть величайший источник – интернет, можно узнать, как все было в те времена. В те самые «хорошие» времена, когда все были равны.

Тогда подростки с детства начинали работать, были жесткие принципы и идеалы, строгая дисциплина. Сейчас у детей есть свобода выбора, бесконечный источник информации – интернет, и не нужно держать и запоминать все в голове. Сильное отличие того времени от нынешнего – свобода. Свобода выбора ориентации, профессии, жизни, внешности, в конце концов. Раньше было принято стучать правительству о всех не соблюдениях правил – сейчас этого нет.

Но иногда жалеешь, что сейчас нет таких жестких правил в плане закона.

Мы также поколение, которое не боится самовыражаться, высказывать мысли, творить, принимать людей такими какими они есть, старается самореализоваться и достигать целей. Некоторые подростки успешнее нынешних взрослых. А взрослые злятся – они не достигли чего-то в своё время, и хотят, чтобы новое поколение не достигло... Ведь гораздо сложнее идти в ногу со временем и изменится самому, чем принять, что люди достигаю, чего хотят? Когда ты был в их возрасте, ты не мог этого сделать; а они могут. В этом и заключается вся проблема консерваторов.

Я поёжилась. На улице холодно: пронизывающий до костей ветер словно поёт серенады, гоня бесконечные облака. Куда они плывут? Наверняка в тёплые страны. Но мне, человеку, туда и не надо – холодный ветер и без того греет холодную душу. А природа в начале весны отвратительна: пасмурное небо, грязь, мокрые кроссовки.

Мы с Галей сели на лавочку, она сидела в телефоне, а я скучала. Было бы здорово залипать в соц-сетях, но я не зря прихватила дневник и скетчбук (блокнот для рисования). Поэтому я достала из рюкзака простые карандаши и блокнот. Шероховатая поверхность акварельной бумаги позволяла рисовать все что угодно и чем угодно; плотность бумаги выдерживала почти любой материал. Но сейчас для этого не было необходимости: я взяла с собой только карандаши.

Короткие штрихи появились на бумаге и воплотили форму воробьев, крутящихся у лавочки. Вот оперение, голова, клюв, перья... словно вылепливаешь шустрюю птицу, только объём создается не на ощупь. Объём создается на бумаге.

К нам начали приближаться два человека: женщина высокого роста; она была одета в чёрное пальто от известного дизайнера, кожаные сапоги до колен, бордовые джинсы. Да, я узнала ее! Это Вика! Рядом с ней шёл сын, рыжие волосы... Вот я и встретила своего друга впервые после аварии. Было бы здорово о чем-нибудь поговорить, но сейчас момент не подходящий. Галя пошла Вике и Артуру навстречу, а я слишком увлеклась рисованием. Когда Галя ушла с лавочки, воробьи разлетелись в разные стороны, и я не успела их дорисовать. Я тут же прокляла ненужные шаги Гали, которые помешали завершить работу. Теперь я была вынуждена поднимать голову вверх, чтобы дорисовать птиц. Невольно я слышала разговор Гали и Вики. Я постаралась сделать отстраненный вид, словно слилась с пейзажем. Наблюдая за воробьями, я не издала ни одного звука, иначе мои птицы улетели в закат, а рисунок пошел коту под хвост. Получилось так, что я вправду слилась с природой: слышала шепот деревьев, далекое пение какой-то птицы. Дорисовав рисунок, я сфокусировала внимание на разговоре, который шумел на фоне несколько секунд:

– Галя, мы с тобой так давно не виделись! – воскликнула мать Артура.

– Вика, мы виделись на прошлой неделе.

Галя и Вика обсуждали все в округе: погоду, учебу, новый проект строителей (откуда они вообще о нем знают?), проходящих мимо людей и их внешность. В конце концов, разговор двух женщин-сплетниц зашел обо мне. Я с отсутствующим видом разглядывала ветки деревьев, которые колыхал ветер; следы птиц и собак на мокром снегу; смотрела на людей, но не осуждала их внешность, как это делали Виктория и моя новая мать.

Я достала наушники, чтобы послушать музыку и отвлечь внимание обсуждающих меня женщин. С музыкой гораздо лучше скучать: она усиливает интерес ко всему происходящему. Впрочем, разглядывать пейзаж мне быстро надоело, а из-за долгого рассматривания и рисования устали глаза.

Виктория и Галя вновь искоса на меня посмотрели. Я терпеливо вздохнула и понадеялась, что меня никто не тронет и мы с Галей спокойно вернемся домой. Но та меня позвала, и пришлось разговаривать с женщинами, а мне этого не хотелось. Пришлось встать и подойти к ним.

– Как твои дела? Ты звонила родственникам? – сразу спросила Виктория.

– Мои дела – отлично, а до родственников не дозвонилась: у папиной сестры уже другой номер, у бабушки телефон выключен, – спокойно ответила я.

– Не волнуйся, все обязательно будет хорошо, – подмигнула Вика.

– Может, зайдете к нам на чай? – сучающе сказала Галя.

– Мы бы с радостью, но нам нужно торопится. Да, Артур? – окликнула Вика сына, который уже общался со своими друзьями. Этому я была рада, мне проще поговорить с ним потом, чем в присутствии этих дам.

– Ладненько, я была рада увидеться, – протянула Виктория. – До встречи.

– Тоже была рада тебя видеть, если будет время, обязательно заходите в гости! – улыбнулась Галя очаровательной улыбкой, она точно что-то задумала.

Я бросила краткое «До свидания»; Виктория развернулась на каблуках и быстрым шагом ушла.

9

Мы с Галей вернулись домой, решили жить в моей квартире. Она, конечно, не моя, но я буду говорить так, это понятнее. Я снова вернулась в этот опустевший дом; только теперь он был чистым. Но оставаться здесь все же было грустно: пустота дома создавала пустоту в душе. Словно дом лишился своей особенности, своей души. Теперь это были лишь бетонные стены и минималистичный интерьер.

Так много хочется вспомнить, но я не знаю, где искать хоть что-нибудь об этом доме, об Артуре, о друзьях, о родителях, о событиях. Напомню, что мое прошлое я видела лишь отрывками: но даже те были блеклыми и неинтересными.

ми. Я решила, что восстановлю большую часть воспоминаний; буду искать записи, фотографии, и пытаться связать их с отрывками в голове. Если отрывков больше не останется, начну копать глубже и обязательно вспомню то, что нужно.

Тогда я разулась и сразу стала искать свою комнату: в ней должно быть больше воспоминаний, чем в моей голове. А ведь вчера я в нее даже не зашла и спала в спальне родителей. Я нашла ее – комната с бежевыми стенами, простой и эстетичной мебелью и кучей украшений, вроде выключенной гирлянды со звездочками, пробковой доски с фотографиями, картинами художников. Некоторые картины нарисованы моей рукой: внизу холста есть моя еле заметная подпись. На стенах не висели плакаты, было немного полочек с пыльными книгами. Я провела рукой по столу, стене, книгам, села в кресло. Я поняла, что это моя комната, мне сразу понравилась цветовая гамма; я посмотрела на верх, а на потолке оказался целый космос с созвездиями и лампочками. Очевидно, что это свет. Выглядело слегка по-детски, но чертовски красиво, особенно при включенном свете.

А подоконник сделали мини-диванчиком. Я сразу плюнулась на него, уставившись в окно. В такой комнате питерские многоэтажки выглядели маленькими домиками. Висел персиковый тюль, полупрозрачной сеточкой он закрывал подоконник и окно. Я вновь стала осматривать комнату, но кроме украшений, растений и простого, минималистичного интерьера я не заметила ничего необычного. На стене был

телевизор, под ним стоял комод с вещами. В уголке стояло зеркало во весь рост и шкаф, очевидно, с платьями и прочими нарядами. В шкафу также была косметичка и бижутерия в небольшом количестве. Шкаф был с подсветкой, и я, как маленький ребенок в восторге глядела на все эти вещи. В комод лежали свитера пастельных цветов, а также немного ярких (желтый, черный, даже радужный) цветов. Еще множество футболок и рубашек, но они были с минималистичным дизайном, цитатами. Черные джинсы, кофта, рюкзак – стандартный набор Дили. Рюкзаков тоже огромное количество: от совсем маленьких, до больших; от черных и до белых. Не знаю, зачем так много рюкзаков, но мне нравится!

В шкафу висели платья, летние комбинезоны и старые, зимние, осенние и весенние куртки, ветровки. В косметичке словно открылся новый мир: очень много предметов, теней, помад, ненужных штук и непонятных вещей, вроде нескольких кремов, отличавшихся только словом в названии. Может, раньше я смыслила в косметике, но сейчас я не могу различить оттенки помады «Гранат» от оттенка «Алый призрак».

Я дошла до стола: он раздвигался в две части, что делало зону для уроков и творчества еще больше (а места занимало меньше!). На стене висела пробковая доска с рисунками, красивыми цитатами и фотографиями. Фото я взяла себе, чтобы после осматривания комнаты разглядеть их поближе. На столе царил творческий беспорядок: очевидно, что я ку-

да-то быстро собиралась. Разбросаны тетради, блокноты, карандаши, в углу лежала скомканная бумажка, рядом лежала стопка книг. Я взяла некоторые тетради и положила их на пол, чтобы позже вернуться к ним.

Над столом висела полочка, с учебниками, тетрадями, блокнотами и прочими мелочами. Я решила достать все исписанные блокноты, и положила их рядом с тетрадями, на пол. Учебники меня сейчас мало интересовали; учебная программа подождет, а вот воспоминания могут улетучиться по одному щелчку пальцев.

После я осмотрела комнату несколько раз, стараясь найти еще что-нибудь. За открытой дверью стояла небольшая коробка; она была очень тяжелая, и мне пришлось ее двигать. Я пододвинула коробку к блокнотам и тетрадям, села на пушистый белый ковер, открыла коробку. Коробка была снизу доверху заполнена блокнотами, картинками, письмами, плакатами, журналами, было пару кофт и альбомов фотографий. На поверхности лежал лист бумаги; на одной стороне было написано «МЭМОРИС», я понятия не имела, что это значит. Чуть позже я узнала, что это слово означает «воспоминания» в переводе с английского. А на другой стороне листа было написано письмо. Возможно, это мое обращение к самой себе:

«Привет, Дия! Сейчас мне пятнадцать лет, и я – это ты. Скорее всего, ты в будущем. Может, я пересмотрю эти записи через месяц, а может, через год и десятилетия. В лю-

бом случае, пересмотреть все, что здесь находится, ты не сможешь сделать за один день. Хоть листай дневники днями и ночами, это невозможно для меня также, как посмотреть 8 сезонов «Американской истории ужасов» за один день. Быстро устают глаза и тупо смотреть в экран весь день – это ужасно и занимает слишком много времени. Так что совет: читай и смотри записи по чуть-чуть, вникай в смысл прочитанного.

Зачем я сделала эту коробку? Этим вопросом задаются родители и друзья, а я и сама не знаю. Вдруг случится такое, что я потеряю память? Звучит безумно, но это вполне может произойти. Здесь находятся блокноты, которые я вела с восьми лет. Точнее, тогда это были нелепые записи вроде: «Сегодня я покушала и сходила в школу. А еще попыталась стать феей винкс, но у меня ничего не получилось.» Впрочем, даже такие записи я вложила сюда. Также здесь есть фотографии: я с родителями, с друзьями, я дома, я на море и так далее. Могут встретиться и истории; только не забудь, что некоторые из них выдуманные. Так что если найдешь историю про то, как я каталась на единороге в сказочной стране и помогала феям винкс спасти планету от злодея-Валтора, знай, что это выдумка. Есть и рисунки, но в них мало интересного. В основном я рисовала наброски, есть несколько работ с художки (которую я, кстати, закончила). В общем, наслаждайся воспоминаниями.»

Я прочитала письмо и подвинула коробку ближе к себе.

Решила повнимательнее разглядеть коробку и ее наполнение.

10

Я увидела нарисованные картинки, журналы, книги, украшения, письма, записи и дневники. Я представить не могла, как столько воспоминаний можно поместить в одну маленькую коробку! Но с потерей памяти я хотела начать новую жизнь, скажем, с чистого листа и с новыми воспоминаниями.

Я решила начать с того, что больше зацепило мое внимание. В коробке лежали запылившиеся дневники с потрепанными переплетами. Также там была куча бумажек, оборванных, вырванных из блокнотов и иногда смятых.

Я взяла первый дневник, который я вела два года назад – в четырнадцать лет. На первом листе была забавная надпись «Возьми совесть, чтобы не читать мой дневник». К этой записи прикреплялось множество маленьких бумажек, как на объявлениях о продаже. Я немного полистала записи, читала различные мысли и немного зависла, разглядывая рисунки и мой кривой почерк. Некоторые записи было невозможно разглядеть: они были написаны ночью. В уголке каждой страницы записано время, в которое эта запись была сделана. Ночные записи были самые непонятные: некоторые строчки заходили друг на друга, расстояние между буквами было очень большим, а некоторые слова перекрещивались

между собой. Попробуй пойми, что я там строчила.

От этого блокнота пахло сиренью, он словно был из красивых сиреневых соцветий, изображенных на обложке. Источником аромата была страница, в которой я засушила сирень. К ней прилагалась запись:

«27 мая.

Мы с родителями отправились на дачу. Наш дачный домик напоминал заросший и заброшенный замок – от него веяло загадочностью и старыми вещами. На территории запущенного сада росли цветы: тысячелистник, ромашки и иван – купала. За забором росла соседская сирень, и повсюду слышался ее чудесный запах. Я оторвала небольшую веточку. Прикреплю ее сюда, чтобы вспомнить этот чудесный запах и вернуться на дачу снова.

Мы ее сильно запустили. Казалось, будто этот маленький домик развалиться и исчезнет с лица земли; а старые качели со скрипом упадут, и их отнесут на металлолом. Мамины любимые красные тюльпаны сорвут маленькие девочки и соберут красивый букет; соседские мальчишки съедят вишню и клубнику. Где-то застоялась вода, а пристройка практически разрушилась. Но папа сказал, что нужно просто представить, как дача будет выглядеть после улучшения. Мне слабо верилось, что почти разрушенную и заросшую кустами дачу можно спасти, но я старалась представить, как все будет хорошо.

Но было что-то в этой даче; в ней были детские воспоминания.

нения. Когда мы с папой играли в футбол, а мама готовила бутерброды, и мы пили апельсиновый сок. Когда мы вырыли небольшую яму, застелили ее пленкой, а потом налили воды и получился пруд; я тогда собирала яркие цветы и зарывала в землю у пруда, ставила маленький лежак и клала куклу. Когда мы с родителями поехали в магазин за качелями, а я радостно хлопала в ладоши и радовалась; я тогда целыми днями каталась на качелях; читала книги с картинками, смотрела журналы с феечками и играла в шашки с папой.

Мои воспоминания прервал чей-то писк. Это оказался котенок, он прятался в длинной траве и махал черным хвостом. У него были зеленые глаза и пушистые кисточки на ушах.

«Не трогай! Вдруг он заразный», – сказал тогда папа.

– Ничего подобного, – ответила мама. – Наверняка у соседей потерялся кот и решил остаться здесь, может, он даже нашел себе пропитание.

– Я очень надеюсь, что мышей здесь нет – ответила я, посмотрев под ноги, в темно – зеленую траву.

Дует летний теплый ветерок, развеивает кудрявые волосы и приходят теплые воспоминания.

Детство, детство. Куда ты уходишь? Неужели вскоре пройдет та пора, когда я перестану радоваться мелочам, теплой погоде и воспоминаниям?»

Глаза заслезились. Я не знаю почему; может, эта запись вызвала то чувство теплоты в душе, которое я перестала чувствовать после аварии? А может, это слезы грусти? Эта за-

пись вызвала смешанные чувства: было в ней что-то родное, что майским теплом отдавалось в душе. Я поняла, почему в тоже время стало очень грустно: неужели эти прекрасные минуты и воспоминания останутся записками на бумаге?

Я перевернула страницу; она была пустой. Но очевидно, что на ней что-то было написано, а потом замазано корректором. Мне стало интересно, что там было раньше. Появилось чувство неизвестности, ведь я не помнила ни одной детали, за которую можно ухватиться и вспомнить большую часть воспоминаний. И пока что инструментами для оживления памяти являлись дневники.

Я постаралась навести страницу на свет так, чтобы просвечивала запись. Но бумага достаточно потрепалась и испортилась, а гелиевая ручка не проявилась. Я обязательно посмотрю в интернете, чтобы любым способом проявить эту запись.

Но пока я отложила поиски, листая дневник до конца.

Самым странным в нем являлись заметные перемены: мир вокруг маленькой Дили с каждой страничкой терял цвета, пока вовсе не потускнел. Запись с сиренью была переломным моментом; после нее началось убывание детского счастья.

Одна из следующих записей выглядела так:

«Здравствуй, дневник. Еще одна неудачная попытка написать что-нибудь здесь; я долго с этим тянула, ведь исписывание листов бездушной бумаги означало, что мне некому

выговорится.

Однако, я больше не могу держать всю эту ненависть в себе.

Нелюбовь к себе. Это такая штука, когда ты подходишь к зеркалу и чувствуешь, как внутри все сжимается от недовольства. Как ты проклинаешь себя и свой чудовищный характер, и уродливую внешность. Самым обидным является то, что я не могу ничего изменить.

А еще я ненавижу людей вокруг. Ненавижу это стадо баранов, которые плывут по течению, сами не зная куда. Они оскорбляют остальных, пытающихся выбраться из этого течения. Они не знают прошлого и будущего, также, как и настоящего. Меня долго бесило все это, пока я не осознала, что я такая же, как они.

И тогда я стала ненавидеть себя еще больше.»

Две эти записи очень отличались; казалось, что из написали два разных человека. Ужасно! Почему другая короткая запись вызвала больше эмоций, чем первая? Скорее, потому что эмоции негативные. Но что случилось? Почему я так изменилась? Почему мое восприятие мира сменилось с радужного на черно-белый? Словно кто-то выкрутил насыщенность цветов и яркость воспоминаний в моей жизни.

Я судорожно листала остальные страницы в надежде понять, что так изменило мое детское мышление. Что повлияло на радужные воспоминания с запахом сирени?

... но ответа я не находила.

Нашла еще одну запись, которая зацепила меня:

«Здравствуй, дневник.

Это снова Диля. Сегодня я серьезно опозорилась перед одноклассниками. Вернее, меня опозорили.

Сложно в этом признаваться, но мне нравятся не только мальчики. Странно, правда?

Диля, которой раньше не нравились ни мальчики, ни девочки и считала всех идиотами, влюбилась в новенькую; и поняла это только сейчас. Черт, как же мне стыдно. Дневник я храню в надежном месте, и запись никто не прочитает. Может, мне стыдно признаваться самой себе? Признаваться, что не соответствую стандартам общества.

К нам в класс пришла новенькая. У нее золотистые кудри и стеклянные, кукольные глаза. Все девочки в классе ей завидовали, потому что благодаря генетике у нее была идеальная фигура; хотя она ела больше всех нас вместе взятых. Ни в чем себе не отказывала и говорила то, что думает. Может, это мне и понравилось?

Но сначала мне были непонятны эти чувства. Когда она была рядом, сердце начинало стучать быстрее; но в тоже время на душе было так спокойно, словно в солнечную погоду на море. Я долго разбиралась в своих чувствах, отвергая факт влюбленности. Вскоре мои эмоции стали сильнее моего сознания.

Вчера я попросила эту девочку поговорить наедине, и чтобы она не принимала мои слова близко к сердцу, чтобы не

смеялась. Об этом никто не должен знать!

Я сказала, что она мне нравится. Ее лазурные глаза расширились, а рот слегка открылся от изумления. В ответ я услышала лишь ее хохот, девочка быстро скрылась из виду и побежала домой; оставив меня наедине с моим ужасным чувством стыда.

Сегодня я пришла в школу, делая вид, что ничего вчера не было. Но сделать отстраненный вид не получилось: уже весь класс (если не школа!) знает об этом. Как говорит мама: «Не все конфеты в красивой обертке вкусные». А мне было так стыдно и обидно! Какая же я глупая! Теперь никто не поверит в отмазки, если я их придумаю.

На меня показывали пальцем, шептались, кто-то осмелился подойти и сказать, какая я странная. Мне стало очень обидно, но глаза накатывались слезы. Но я сдержалась: я выше всего этого. И если эти придурки не могут понять, что каждый человек уникален и в нестандартной ориентации нет ничего плохого и странного, это их проблемы.

Пожалуй, подростки – самые злые существа на планете»

После прочтения записи накатила новая волна эмоций. Нет, не волна, а целый тайфун смешанных эмоций.

Я – бисексуалка.

Черт, ну надо же так обложатся. Вот уж не думала, что узнаю об этом из своего дневника двухлетней давности. Боже, о чем я только думала, признаваясь той девочке? Я даже имя ее сейчас не помню. Впрочем, это не важно.

Бисексуализм относится к нестандартной ориентации. Когда ты любишь не только мальчиков или девочек, любишь обоих, грубо говоря. И странно вовсе не то, что ты другой ориентации; странно то, что люди не принимают это. Мало того, что людям должно быть все равно, кто какой ориентации и кого он любит. Ведь все существа способны любить, правда? И неважно, кого ты любишь. Важно, что ты имеешь на это полное право. Если любишь, это не значит, что над тобой нужно издеваться или ограничивать в любом хотении. Это значит, что ты человек. Что ты живешь, существуешь. Что ты, как и все остальные, имеешь полное право на любовь.

11

День тридцать пятый.

Дочитав пару записей из дневника, я быстро накинула куртку и решила прогуляться. Я вышла на светлую улицу, захватила рюкзак и положила в него телефон, деньги и дневник.

Под ногами шлепала грязная вода, нерастаявший снег, перемолотый в кашу и песок, который раньше сыпали на снег. Как же я люблю выходить из дома и прогуливаться по улочкам загадочного и величественного Питера. Раньше, когда на праздники к нам приезжали родственники, я тащила их гулять по всему району, рассказывая о каждой скамеечке, как о достопримечательности. О каждом голубе, как о таинствен-

ном госте из далеких стран и о каждом дворике, как об отдельном острове; настолько я хорошо знаю свой город. Впрочем, сейчас дворы и дома выглядели как острова и корабли, словно плывущие вдаль. На самом деле это плыли облака, но представить плывущие разноцветные дома гораздо интереснее, чем лиловые тучи. Я вспоминала отрывки из жизни и прогулок по своему городу; о некоторых я прочитала в дневнике.

Сейчас я направляюсь в кофейню, там самый вкусный кофе и самый общительный бариста. Об этой кофейне мне рассказал Артур – мы начали переписываться еще два дня назад. По словам моего друга, кофе и общение – лучшее сопровождение в моей жизни. Думаю, что я и сама это знала, в глубине души. Хотя есть еще много прекрасных вещей: улыбка ребенка, сонный пес, чистое небо и яркое солнце. Отражение в зеркале, теплые взгляды, жизненный опыт и уроки в школе, на которых не все учились.

Эх, школа... Мои одноклассники наверняка уже прошли много материала, который мне придется нагонять со скоростью света. Или их просто достают повторением и твердят, что очень скоро экзамены и придется выбирать свое будущее. Я на счет этого не волнуюсь; конечно, от выбора профессии и сдачи экзамена зависит мое благополучие и удовольствие, но точно не будущее. Я в любой момент могу переучиться на кого угодно и заниматься в этой деятельности. И выбирать скучную работу для того, чтобы хорошо сдать

экзамен и всю жизнь страдать – не мой вариант. А насчет школьной программы – из-за амнезии я не помню простейший материал. Точнее, я и до этого его плохо учила, а сейчас и вовсе забыла. Хотя бы таблицу умножения знаю и несколько тем, уже хоть что-то. Наверняка мне будет стыдно вернуться в школу с нулевыми знаниями десятого класса. Десятого! Уже через год я должна поступать, а я даже не знаю, какой кофе сегодня хочу. Глупо убеждать себя в том, что все быстро решится – уже начало марта, и до конца года осталось чуть-чуть. Стоит полистать пару учебников, когда вернусь домой.

Я вышла из арки, которая вела во двор моего дома. Как будто очутилась в другой вселенной; проносились машины, люди, все вдруг приняло движение и внутреннее спокойствие улетучилось. Случайно услышала разговор одной девушки по телефону:

– Да что вы все сюда переезжаете! Здесь солнца нет, места нет, ну вот что вы здесь забыли?! – кричала в трубку она, но вскоре ее разговор затерялся среди моих мыслей. Я невольно улыбнулась: в Санкт-Петербурге всегда так говорят. Северная столица притягивает людей, в основном студентов и блогеров, как магнит. Я немного согласилась с незнакомкой: в городе и вправду холодно и солнце нечасто нас навещает. Но людей с каждым годом все больше и больше прибывает в наш гостеприимный город, только вот уезжать гости не собираются. А может, дело в жителях Санкт-Петербурга? Часто

говорят, что люди здесь вредные. Кажется, пазлы сложились – здесь мало солнца, поэтому люди такие вредные и хмурые. Неудивительно! Каждый день в таком стрессе и суете не каждый выдержит.

Я попала в поток людей, которые быстрым шагом шли на работу, с работы, а может, в кофейню. Если на секунду замедлится или засмотреться – тебя унесет течением неизвестно куда. Все люди куда-то спешили, кривили лица, звонили по телефону, читали электронные книги, ели на ходу. Так захотелось сбежать от этого бесконечного потока! Убежать туда, где никто тебя не потревожит, не толкнет локтем, не закричит в телефонную трубку, чуть не прольет на тебя горячий кофе.

Я почти забежала в кофейню, тяжело дыша. Из – за накативших волной эмоций, случилось нечто странное, похожее на паническую атаку. Я знаю, что многие страдают от этого. Страшный прилив эмоций, сердце бьется со скоростью света и тяжелое дыхание; потемнело в глазах, я словно упала в обморок, который длился ровно секунду.

Окружающие косо на меня поглядывали, поэтому я сделала надменное выражение лица и подошла к столику баристы. Стол был бежевого цвета, но из – за скопления наклеек, страз, цитат и рисунков столик почти не было видно, он словно висел в воздухе. Рядом на пастельной голубой стене лилово светилась неоновая надпись «Never give up!», что в переводе означало «Никогда не сдавайся!».

Я люблю эту кофейню не за вкусный кофе (хотя, он космически вкусный!); больше я люблю эту кофейню за теплую атмосферу. Я не знаю людей, которые сидят за соседним столиком. Но я чувствую некую близость с этими людьми, будто они сейчас подойдут и радостно скажут: «Хей, как твои дела?». Думаю, эта кофейня сближает людей, их интересы и хобби. Вон там сидят художники – они рисуют эскизы дизайнов, наброски людей и пьют горячий латте. Здесь небольшая комната с неоновыми надписями, растениями и нежным фоном. В этом месте отлично получаются фотографии! За другим столиком присела компания друзей – они весело обсуждают последние новости, шутят и спорят, но никто не заходит в смартфон. Где – то должны быть писатели, обсуждающие произведения и читающие собственные стихи. Их всегда было интересно слушать. Откуда я все это знаю? Сама удивляюсь. Может, когда человек чувствует знакомые и милые ему запахи и слышит прекрасные для него звуки, в его голове оживают картинки, связанные с этими чувствами?

Пока я разглядывала людей и их занятия, к воздушному столику баристы подошла девочка с прямыми и белоснежными волосами, словно луна ночью. А глаза еще лучше – мигающие звезды, смотревшие с вызовом. Она была маленького роста, еле забралась на высокий стул и уселась, рассматривая интерьер. Я всегда сидела за этим столиком одна, общалась с баристой и сидела в соц-сетях; поэтому я с интересом смотрела на мою новую соседку по столику.

Она презрительно оглядела меня с головы до ног, и от этого взгляда мне стало неприятно. Закралось ощущение, что я раньше ее видела, но напомним тебе, что память моя была пуста на тот момент.

– Чего пялишься? – фыркнула девочка – луна.

– И тебе привет! – я мило улыбнулась, но с сарказмом, давая понять, что она здесь не пуп кофейни.

Солнце мягким светом заглянуло в окна кофейни. Лица посетителей озарились улыбками, аромат кофе лишь дополнял дружелюбную атмосферу разговоров и хобби. Однако девушка – луна превратилась в настоящую тучу. Ей явно не понравилось, что в этой кофейне все слишком хорошо.

– Боже, зачем мы только приехали в этот город? – почти шепотом сказала она, но я прекрасно ее услышала.

Поговорить с ней или не говорить – вот в чем вопрос. Очевидно, что она не в настроении; возможно, проблемы в семье или ей просто здесь не нравится. А что пришла тогда, если в этом месте все так хорошо?

– Что-то случилось? – неожиданно для самой себя, спросила я у девочки. Параллельно с этим я достала дневник из рюкзака, надеясь дочитать его.

– Да нет, со мной все в порядке! – съязвила лунная девочка, скривив лицо, будто проглотила «Кислинку».

Разговор не задался, и я перестала уделять внимание этому человеку. Ну не хочет она выговориться, значит, это ее выбор. Пусть сидит и дуется, если такая язва. Мне казалось

лицо этой девушки знакомым. Звучит странно, но я словно видела ее где-то, а где именно не помню.

Я пролистала страницы дневника до момента, на котором остановилась. Девочка – туча с интересом заглядывала в дневник, но иногда отворачивалась, заметив мой встречный взгляд. Все-таки, она странная. Сначала язвит, потом интересуется. Ай, ладно, пофиг на нее. Все-равно мне скоро уходить.

Я посмотрела в огромное окно, украшенное гирляндой: на улице становилось пасмурно. Впрочем, в Питере всегда пасмурно; поток людей также, словно зомби, шли по своим делам. Они корчили недовольные рожи, наверняка жаловались сами себе на погоду, начальство или правительство. Мне тут же вспомнилась Юля – она тоже всегда была чем-то недовольна. Такие люди всегда ждут каких-то изменений, или сами хотят измениться. Но когда узнают не ту истину и не подтверждают свои убеждения, желание менять жизнь пропадает. Конечно, ведь для этого нужна работа над собой! А у них, пожалуй, слишком много дел для копания в себе и улучшения жизни. Да и вообще, там вышел новый журнал, новая программа по телевизору, снова интересные новости по телефону. О какой самореализации может идти речь, когда вокруг столько ненужной информации?!

Мои мысли прервал голос девушки, моей соседки по столу, она же девочка-луна:

– Диля, неужели ты меня не помнишь?

Я отправила ей насмешливый взгляд. Ну да, ну да, здравствуй, ты наверняка какая-нибудь двоюродная сестра или мать моей собаки. Ладно, с последним переборщила. Да и собаки у меня никогда не было.

– Нет, Мисс Недовольство, я вас не помню, да и не хочу вспоминать, – резко ответила я.

Незнакомка обиженно надула щеки; а затем продолжила:

– Это я, Регина! Мы познакомились с тобой в одном кафе, когда ты была на дне рождении у одноклассницы. Ее звали Вивьен. Точнее, это твоя прошлая одноклассница, из прошлой школы. Ты ей еще в любви признавалась, помнишь?

А вот эти слова заставили меня нахмурить кустистые брови; я училась в другой школе? Мне бы нынешнюю вспомнить, а она про прошлую говорит. В моем дневнике было сказано про девушку со стеклянными глазами, в которую я влюбилась и призналась ей в этом. Но это ли она? Разве про ту девушку говорит эта незнакомка?

– Прости, не помню. Я потеряла память.

– Ты что, серьезно? – усмехнулась девушка.

– Да, представляешь! В жизни бывают страшные моменты, которые влекут за собой последствия пострашнее, а мне с этим еще жить придется! – взорвалась я. Нет, я не могу позволить, чтобы какая-то незнакомка насмеялась над моими проблемами. Прежде чем посмеяться, пройди путь человека в его обуви. А еще лучше – вообще без обуви. Может, тогда до людей начнет доходить, что у остальных тоже есть

чувства. Я повернулась к девочке – луне спиной, и начала разглядывать людей из клуба музыкантов.

Кто-то сидел на мягкой подушке и держал в руках гитару, кто-то доставал из чехла скрипку, кто-то уже приготовился играть на флейте. В этом клубе были девушки и парни от мала до велика: от первоклассников и до студентов. У каждого была своя уникальная внешность: цвет кожи, шрамы, родимые пятна, у одной девушки были очень кудрявые рыжие волосы, которые все время лезли ей в лицо. Один парень сидел с гитарой, в инвалидном кресле, без правой ноги. Ее часть отсутствовала до колена. Парень чувствовал себя смущенно и неловко, что было видно по его лицу. Но весь дружный состав клуба заиграл прекрасную мелодию, и вся кофейня дружно подхватила мотив всем знакомой детской песни. Ее название я уж не помню, пишу эти строки уже дома. Но я уверена, то в твоей голове заиграла та самая, знакомая тебе с детства, любимая песня.

Искусство объединяет людей. Разный возраст, разная внешность, но единая и одинаковая любовь к искусству объединила людей – они сейчас играли прекрасную мелодию детства. А их дружная игра на инструментах и пение объединило всех людей, сидящих в этом помещении. Думаю, с такими дружными людьми я бы хотела работать. Пусть официанткой или уборщицей, но зато я бы любила свою работу. Или приходила сюда каждый день, работала за ноутбуком и сидела за столиком у окна.

Снова мои мечты и мысли что-то прервало. Да сколько можно! Я почувствовала сверлящий взгляд, который вот-вот прожжет дырку в моей спине. Я сразу предугадала, кто это, и обернулась, но мои предположения не оправдались. Девочка-луна испарилась, провалилась сквозь землю. Ощущение сверлящего взгляда пропало; возможно, странную одинокую девочку разглядывала пара за противоположным столиком, но парень и девушка уже не замечали меня.

А я снова взглянула в окно: погода немного прояснилась, а лучи солнца пробивались сквозь тучки. Люди все также, не сбавляя скорости, шли по своим делам. Интересно, этим людям есть, о чем мечтать? У них вообще есть время на то, чтобы мечтать? Или скучная работа окончательно выгнала их правое полушарие и свойство мыслить из головы?

Я так долго и задумчиво смотрела в окно, что меня окликнул бариста:

– Диля! Опять витаешь в облаках, третий раз тебя зову. Твой капучино сто раз успел остыть, но я приготовил новый только что. Прости, загляделся на выступление этих ребят, и сам не заметил, что кофе остыл.

– Спасибо огромное!

Я и вправду здесь засиделась. Нужно было поскорее вернуться домой, вдруг Галя уже ищет меня. Я закинула дневник в рюкзак, взяла стаканчик кофе и попрощалась с баристой, оставив пустое сиденье и такое же, пустое, стоящее рядом.

...Если бы я знала, что мне придет сообщение от Артура, как только я приду домой, я бы не так спешила, и успела бы на крышу. Но я пришла домой, переоделась, села на ковер и открыла еще один дневник. И только тогда мне пришло приглашение.

Да, друг моего детства позвал меня на крышу. В Санкт-Петербурге полно мест, где можно хорошо посидеть и поболтать на крыше. Хотя это не совсем законно, есть места, где ходить по крышам можно. Точнее, эти места знаем только мы и пару человек.

Я почти вприпрыжку шла по улочкам города; со стороны это выглядело максимально странно! Девочка почти в пижаме, с лохматыми волосами и стаканчиком от кофе бежит по рыхлому, мокрому снегу, а на лице сияет улыбка. Многие улыбались в ответ, а некоторые лишь искоса смотрели. Ха, неудачники! Надеюсь, что хоть кто-то покажет вам, что существует настоящее счастье, которое вы не увидите в «темных очках».

Пока я шла на указанный адрес и следила за навигатором, случайно врезалась в девушку. Или она врезалась в меня? Не знаю, но та девушка была гораздо ниже меня ростом и шла, уткнувшись в телефон.

– Эй! Смотри куда идешь! – крикнула было она, поднимая

глаза. Я узнала в ней ту самую девочку-луну из кофейни; вот это встреча! Девушка скривила губы, похоже, что она не рада меня видеть. Я сделала вид, что не заметила ее недовольства, и спросила:

– Почему ты ушла? Мы с тобой, вроде бы, недоговорили.

Она ухмыльнулась:

– Я ушла? Если память мне не изменяет, ты повернулась ко мне спиной и не захотела продолжать разговор.

Вот черт, девушка правду говорит. Я сама накричала на нее, выплеснула эмоции, а потом еще и повернулась спиной. Похоже, что тогда я совсем не задумалась об ее чувствах.

– Прости, просто насмешка над моей амнезией была мне неприятна, – выдавила из себя я, избавляясь от чувства гордости.

– Ты даже не рассказала, что за амнезия и как это с тобой произошло, – улыбнулась девушка. Как же ее зовут? Вроде бы память не теряла, а имя не могу вспомнить. Я потеряла левую руку в замешательстве. Невольно взглянула на маленькую тату на запястье, и вспомнила, что ее зовут Регина. На татуировке тоже ясно было написано: «дерзай и живи так, как хочешь (с) Регина.» Совпадение или правда?

– Так ты расскажешь? – пробудила меня от мыслей Регина.

– Да, конечно, – задумчиво потеряла локоть я.

– Куда ты идешь? Можешь рассказать мне по пути, – сказала девушка.

– Вообще, я иду на одну встречу, которая пройдет на крыше, – я спрятала взгляд на сером фигурном асфальте.

– Ого, встреча на крыше? – ухмыльнулась Регина. – Должно быть, это очень важная и романтичная встреча...

– Нет.

– Да брось, не каждый день встречи на крышах устраивают. Ты уверена, что она не так важна?

– Нет.

Выглянуло яркое солнце, пора бы. Регина замолчала, а я все также молча шла, уставившись в серый влажный асфальт. Мысли слишком смешались, словно несколько ягод закинули и смешали в блендере. Артур, крыша, Регина, кофейня, татуировка. Столько всего, над чем нужно подумать, но не одновременно же!

Суэта города вносила в мой молочный ягодный коктейль еще больше суеты, словно покрыла верхушку взбитыми сливками и посыпала декоративной сладкой посыпкой. Но ветер успокаивающе уносил мысли в даль. Растрепанные волосы, улыбка на лице, задумчивый вид – выглядит круто. Мне всегда нравилась задумчивость в человеке, ведь это означало, что у него не мусор в голове; может, мусор, но это лучше, чем пустота.

Когда у человека одна пустота в голове, он не просто не имеет мышления. Он не имеет чувств, своего мнения и имеет большую склонность к вредным штукам. Когда у человека пустота, он отчаянно ищет, чем ее заполнить. В нашем об-

щество подростки могут заполнять пустоту вовсе не тем, чем нужно. Попадая в плохие компании или добровольно присоединяясь к ним, люди пробуют ужасные вещи, вроде наркотиков и алкоголя. Проблема таких компаний в том, что ты можешь попасть в нее независимо от возраста – первоклассник ты или тебе уже девятнадцать. И когда люди гораздо старше первоклассника могут выпить алкоголь или покурить, ребенок следует их примеру. Так в раннем возрасте получают вредные привычки.

Есть другая пустота. Когда человек пустой и не имеет собственного мнения, он начинает подражать другим людям. Так случилось с моей знакомой: она абсолютно пустой человек. Таких еще называют «удобными» людьми. Я даже не помню ее имени, сколько ей лет, я помню лишь отрывки слушаев, и то размыто.

Моя знакомая любила общаться с людьми, и со мной общалась очень весело; по ее словам, она чувствовала себя собой. Но когда присоединялась к компании других ребят, она становилось абсолютно другой. Могла оскорбить меня, мои интересы, увлечения других ребят. Знакомая не любила тусовки и предпочитала тихие посиделки дома, с чаем и книжкой в руках. Но в компании других людей она всегда провоцировала драки, устраивала вечеринки. В конце концов она перестала быть собой. Так запуталась в многочисленных личностях, что люди начали использовать ее чувства, поведение ради своей выгоды. Знакомая часто жаловалась мне на

плохое отношение к ней:

– Я не понимаю, почему мной все пользуются? Что я такого сделала, что стала объектом унижений?

Я тогда ответила:

– Ты сама позволила людям управлять тобой. Это только твой выбор, и виновата только ты.

Знакомая обиделась на меня, и ушла. К сожалению, люди не хотят слушать истину, если она не подтверждает их убеждения. Убеждения – это лишь моральные барьеры и порог, который стоит перешагнуть. Но не все способны, или не хотят это сделать.

Мы с Региной молча шли по городу. Вернее, следовали желтой стрелочке на навигаторе. Регина разглядывала архитектуру и здания, а я не могла понять, что за тату на моей руке и связана ли она с девушкой-луной. Я решительно тряхнула головой, отвлеклась от телефона и спросила:

– Я абсолютно не помню ни тебя, ни свою прошлую жизнь. Где мы с тобой виделись раньше?

– Это было достаточно давно, – начала Регина. – Около двух лет назад, – задумчиво почесала затылок девушка.

Я понимающе кивнула и терпеливо ждала продолжения; моей знакомой позвонили, а еще мы немного сбились с пути, завернув не в ту сторону. Навигатор тут же сменил маршрут, а приятный голос девушки с телефона сказал: «Кажется, вы сбились с пути. С кем не бывает! Построен новый маршрут.» Я усмехнулась; с этим виртуальный голосовым помощником

можно общаться, как с другом. И дорогу тебе покажет, и загадку загадает, и на любой вопрос ответит. Жаль, что память она мне не восстановит.

Регина ответила на звонок, поправила прядь белоснежно-пепельных волос, а затем продолжила:

– Мы познакомились с тобой в кафе, на дне рождения одной девушки. Вероятно, ее ты тоже не помнишь; ее зовут Вивьен.

– Конечно, я никого не помню, и Вивьен тоже. После аварии я не помнила даже своего имени. Слава богу, что нашелся человек, который помог мне немного вспомнить.

– Кстати, на том дне рождения мы хорошо сдружились. Но я жила в другом городе, и приезжала в Санкт-Петербург не часто. Ты тогда хотела набить татуировку, которая напоминала бы тебе о жизни.

Я прищурила глаза; солнце выглянуло из-за туч и светило прямо в глаза. Я поняла, про какую татуировку говорит Регина; на той вечеринке мы дружно общались, и она сказала эту фразу. Еще одна картинка из пазлов сложилась! Я снова взглянула на левую руку: надпись все также красовалась на запястье. Поверить не могу, что набила тату в честь девушки с вечеринки! Какие еще безумные поступки я успела совершить?

– Это случайно не то тату, которое я хотела набить? – я демонстративно показала девушке свое левое запястье. Она усмехнулась:

– Да, то самое. Насколько нужно быть сумасшедшей, чтобы набить татуировку ради одной фразы, которую сказала незнакомая девушка?

– Если бы я знала ответ на этот вопрос, с радостью бы ответила, – засмеялась я.

Наконец, на экране телефона показался черно-белый флажок; это означало, что мы дошли до места назначения. Регина помахала мне рукой, тихо развернулась и ушла. Я позвонила Артуру, мы встретились у кирпичного здания.

13

Мы забрались на крышу здания, с высоты четырех этажей открывался великолепный вид. Чуть ниже находилось кафе, где мы с Артуром успели взять по пончику.

С крыши здания был виден шикарный Казанский собор, который выглядел более загадочно на закате. Словно старый замок, построенный по сюжету фантастической книги: величественный купол малахитового цвета, массивные и высокие колонны. Рядом с крышей здания также было очень много крыш серого и красного цвета.

Небо на закате выглядит сказочно: лилово-розовые облака закрывают часть оранжевого яркого горизонта, и диск желтого солнца закатывается под землю там, вдалеке. Оттенки перемешались и стали слегка тусклыми, но солнечные свет все еще покрывал стены, купол собора. Ощущения не

передаваемые, когда оказываешься на высоте. Дует холодный ветер, внизу ездят машины, ходят люди. Чувствуешь свободу и легкость: здесь тебя никто не достанет, только полицейские, но не всегда.

Я вспомнила, как читала один из романов любимой писательницы: в нем говорилось про людей, умеющих высоко прыгать и про тех, кто умел летать. Первые относили себя к звездам, вторые – к Луне. Они вечно соперничали между собой; но мне больше нравились звезды. Они лазали по крышам, умели высоко и далеко прыгать. В чем-то я сравнивала персонажей с собой, я лишь прыгаю не высоко. Но ведь так здорово, когда персонаж твоей любимой книги похож на тебя. Он со своей личной историей, недостатками, характером, внешностью. Думаю, люди покупают и читают книги, чтобы почувствовать себя в том теле и характере, о котором они мечтают или с тем, с которым себя сравнивают. Ведь так здорово – чувствовать близость с персонажем любимой книги.

Мы с Артуром присели на край крыши; отсюда можно свесить ноги, но я этого делать не хотела; слишком опасно и страшно, когда смотришь вниз. Внизу ездили машины, ходили люди, рядом, чуть выше, летали птицы. Внезапно я подумала: а что будет, если я здесь оступлюсь? Споткнусь и полечу с крыши. В такие моменты у людей пролетает вся жизнь перед глазами; а у меня и пролетать нечему.

Я задумалась об этом. Вот был человек, живой. Он дышал, чувствовал, двигался, говорил, жил, в конце концов. Одно

легкое движение, один малюсенький шаг; шаг в пустоту, в пропасть, в вечную бездну. Один маленький шаг, и человека больше нет. Он ушел на встречу смерти. Ушел, и его никто не сможет вернуть. Никто не сможет воскресить воспоминания и мысли того человека. Хотя отчасти это сделать возможно. Но разве это кому-то понадобится?

Да, Диля, сейчас думать о смерти – самое время. Стоит напомнить себе, что ты пришла сюда говорить с другом детства, а не делать шаг навстречу смерти. Да и нужно ли мне это? Нужно ли мне уходить? Ведь вокруг столько всего прекрасного и замечательного. Столько людей, пейзажей, звуков, запахов, чувств, движений, свободы, столько жизни. Насколько нужно быть отбитым, чтобы добровольно лишиться себя всего этого?

Всю дорогу мы с Артуром просто молчали. Думаю, здесь и слов не нужно – и так хорошо осознаешь, что человек думает и чувствует. Но теперь повисла неловкая тишина, и никто не знал, как начать разговор. Волосы растрепал ветер, они налипли на лицо и испортили мой внешний вид. Я быстро и незаметно поправила непослушные пряди, и с тонкой иронией сказала:

- Ты хотел о чем-то поговорить?
- Угу.
- О чем же?

Наступило молчание. Долгая, протяжная пауза. Шум окружающего мира прерывал спокойствие, мешал мыслям.

Сердце предательски стучалось, отмеривая каждый стук, словно тиканье часов. Руки онемели, а я терпеливо ждала, когда же Артур заговорит. Снова мои волосы прилипали к лицу, мне было сложно повернуться и посмотреть на Артура. Я не видела его лица, но я буквально чувствовала, что он не знает, с чего начать и какие подобрать слова. Черт, вот чего он молчит? Наверняка что-нибудь серьезное, просто так он на крышу меня не позвал бы.

– Я хотел поговорить о твоей новой матери, и удочерении, – издалека начал мой рыжий друг.

Я вопросительно посмотрела на него: с чего это его так волнует Галя? Пока что у меня все отлично; у нас хорошие отношения, есть о чем поговорить, она помогает восстановить некоторые воспоминания через фотографии. Об удочерении и моей амнезии ему наверняка рассказала Виктория; да, она любит болтать, в этом я убедилась.

– Думаю, ты зря согласилась быть ее дочерью – усмехнулся Артур, но было понятно, что слова даются ему с трудом. Что это с ним? Я плохо помню, какой он был раньше, но его поведение в парке точно отличалось от того, какое оно сейчас. Или различие в том, что в парке он был с друзьями? Но что изменилось сейчас?

Я смущенно улыбнулась своим некоторым мыслям, и Артур это заметил.

– Чего ты смеешься?

– Да так, просто. Чего ты так волнуешься обо мне? – не

скрывая озорных огоньков в карих глазах, сказала я. Ситуация действительно казалась мне смешной. Еще смешнее стало, когда щеки моего друга залились краской. Тогда я расхохоталась, словно я сейчас сижу в зале программы «камеди клуб», которую часто смотрит Галя. Артур тряхнул рыжей головой и с серьезным взглядом уставился на меня.

– Чего ты на меня так смотришь?

– Вообще-то, я собирался тебе важную вещь сказать, но тебе это, похоже, неинтересно – приподнял брови парень.

– Ты про Галю? Что в ней плохого?

Артур показал мне свою раскрытую ладонь и начал загибать пальцы:

– Во-первых, она вдова, и ты даже не подозреваешь, как умер ее муж; точнее, кто его убил.

– Во-вторых, мне плевать, кто убил ее мужа. Она обеспечивает мне жилье и еду, что вполне не плохо. Одна я бы не справилась, да еще с такой шикарной памятью – язвительно ответила я, мне сложно говорить на эту тему. Да, возможно, я зря согласилась на удочерение. Но я была растеряна и не понимала, что делать в такой ситуации. Тем более, когда теряешь родных в тот день, когда вновь становишься живой.

– Допустим. Во-вторых, она несколько раз была судима за мошенничество, а после удочерения квартира твоих родителей может стать ее собственностью. Думаю, ты уже догадалась, что будет дальше.

– Господи, какая разница?! У меня нет выхода, поэтому

я либо живу с ней и восстанавливаю память, либо еду к бабушке, которая ненавидит меня еще с моего рождения! Если бы ты оказался на моем месте, чтобы ты выбрал? – я не смогла взять контроль над эмоциями. Не думаю, что мое поведение было хорошим, но спокойный тон Артура и дурацкие убеждения в моей ошибке вывели меня из себя. Это был первый серьезный разговор в моей жизни; за исключением того, когда я разбила папин рабочий ноутбук. Я заметила, что сейчас странное ощущение в животе улетучилось, а лицо моего друга стало мрачнее. Артур вздохнул и агрессивно протараторил:

– Ты хоть что-нибудь помнишь? Если нет, то я напомним: она угрожала твоим родителям, хотела пожечь дверь и вела себя, как сумасшедшая! И ты сейчас – хороший повод расположится в новой квартире, о которой она долго мечтала.

– Тебе откуда знать, о чем она мечтала, – успокоившись, ответила я. Хотя вопрос про память меня задел: я ведь действительно почти ничего не помню. Хотя Галя и Вика многое мне рассказывали. А дневники? Я столько всего узнала из них – больше, чем ожидала. А как же Регина и татуировка? Я ведь даже не подозревала, что поход в любимую кофейню раскроет тайну татуировки.

– У меня есть проверенный источник – с усмешкой сказал Артур.

Я сначала не поняла, о чем он говорит. Похоже, что я снова улетела в молчание и свои мысли. Но я быстро вернулась

к теме разговора и сразу стало понятно, что Артур говорит о своей матери. Интересно, насколько хорошие отношения у них с матерью? Вика жаловалась, что ее сын разочаровал ее в учебе; что Артур никак не развивается и ничем ей не помогает. Я задала волнующий меня вопрос:

– Как ты общаешься с мамой? Она мне, конечно, рассказывала, но узнать твое мнение мне бы хотелось больше, – я сделала акцент на слове «твое». Артур замешкался, немного поправил растрепанные волосы и сказал:

– Мама не хочет воспринимать меня. Не желает стать современной, перестать мыслить шаблонно и сравнивать всех со всеми. Стоит мне что-либо сказать или сделать, мама сравнивает мои поступки с поступками друзей. Мне надоело каждый раз выслушивать ужасные, многочасовые лекции о том, как мне стоит жить – рассказал Артур. Я понимающе кивнула. Странно, что Виктория думает совсем иначе; она больше думает о прекрасном будущем, хочет воспитать сына, а он кажется ей бездельником. Но это уже совсем другая история; не хочу сейчас мучать Артура своими рассказами и вопросами. По нему видно, что он очень устал. Да и я тоже, очень сильно устала. Хотелось сомкнуть глаза и вздремнуть, прямо здесь, на крыше. Веки становились все тяжелее, а чувства (даже странное ощущение в животе) смешались в густой кисель. Я тряхнула головой, прогоняя сон, медленно вступающий в мою голову. Мой друг все время наблюдал за моими эмоциями; впрочем, он пару раз зевал и потягивался.

Не хватало только подушки и одеяла.

Я снова смущенно улыбнулась одной, закрывшейся в голову мысли. Но я тут же отогнала ее, помотав головой в разные стороны. Молчание длилось вторую вечность! Я как-то задумалась и так захотела спать, что не заметила, как около двух минут молчала.

Артур принял мое молчание на свой счет и решил сменить тему разговора:

– Ты пыталась восстановить память? Если тебе можно помочь, я буду только рад.

– Спасибо, но я сама справлюсь, – отрезала я.

– Я нашла коробку с дневниками и рисунками – продолжила я, стараясь игнорировать чувство неловкости и теплоты в душе. Ведь не смотря на мое ужасное поведение, Артур все равно был готов помочь, хотя по нему не скажешь, что у самого нет проблем.

– А, вот твои блокнотики, которые ты вечно таскала с собой, пригодились – улыбнулся мой рыжий друг, но в серых глазах явно отражалась грусть. Или это была просто усталость?

– Обидно, однако – я не заметила, как сказала это вслух.

– Почему?

– Я вернулась домой, нашла дневники, общаюсь с людьми, но это все такое...

– Новое?

– Ага. Словно я долгое время проходила компьютерную

игру, и после аварии пришлось проходить все сначала.

– Надо было сохраниться, – усмехнулся Артур.

– Надо было...

Начинало темнеть. Диск солнца давно закатился за горизонт, зажглись фонари. Санкт-Петербург не потерял прежнюю красоту, даже наоборот. Но Галя наверняка уже ищет меня, пора вернуться домой. Я представила, как вернусь домой, и какую огромнейшую и возмутительную лекцию услышу. Насчет Гали я не сомневалась: она точно выскажет мне все, что обо мне думает. Я взглянула на экран телефона; время и вправду было позднее. Экран смартфона показывал «21:16». Я глубоко вздохнула и накинула рюкзак.

– Проводить тебя до дома? – послышался голос моего друга.

Пожалуй, читать мысли – самый лучший дар Артура. И как он только догадался?

– Угу, мы ведь живем рядом. Даже если не вместе пойдем, все равно встретимся, – насмешливо протянула я, пытаясь пошутить. Но шутка не зашла, да и мне самой не очень понравилась. Сморозила же глупость! Неужели нельзя было просто и спокойно сказать «да»?

Мы аккуратно спустились с крыши, пошли по Невскому проспекту, который только что наблюдали сверху. Мимо проносились автомобили, их фары мелькали, словно новогодняя гирлянда. Но откуда мне знать? Я не помню имена своих одноклассников, о какой гирлянде может идти речь?

Впрочем, уже все равно. Пройдет время, я почитаю больше дневников, и восстановлю картинки из пазлов. Некоторые из них уже сошлись, значит и остальные сойдутся, правда? Наверное, главное, что я иду не одна. Точнее, не одна, а с Артуром. Так, Дия, успокойся. Всего лишь друг детства; и только! Главное, что я иду по этим темным улицам не одна. Иначе мои мысли съели бы меня еще на крыше.

14

Мы дошли до дома. Артур развернулся и собрался уходить, как вдруг развернулся обратно и произнес:

– Будь осторожна. Я люблю тебя.

После этих слов он оставил меня одну, в недоумении, стоящую у подъезда. Спокойно пошел своей дорожкой. А я что? А я в шоке. В животе снова появилось это ужасное чувство, а я вспомнила разговор с девочкой из дневника. Я тогда призналась ей в любви, а она засмеялась и убежала. В голове появилась внезапная картинка: я пообещала себе никогда не влюбляться. Фактически, это невозможно. А что, если все это время я была влюблена? Не в девушку, не в жизнь, не в себя, а в человека, который всегда был рядом. Всегда поддерживал и защищал. Звучит, как в очередной сказке, когда дружба превращается в любовь. Может, это уже не сказка.

Казалось, что жизнь наполнена ужасами реальности: смертью, болью, потерями. Но если жизнь наполнена ужаса-

ми, значит, должна быть другая сторона? Счастье, обретение, рождение. Единственное осталось непонятным: на чьей стороне любовь? Если тогда она причинила мне боль и страдания, то сейчас подарила радость и смятение. За что отвечает любовь? И отвечает ли вообще? Я смотрела, как фигурка моего друга удаляется все дальше, к другому подъезду, и тихо прошептала:

– Я тоже.

В таком странном и задумчивом состоянии я позвонила в домофон и зашла в парадную. Дойдя до дверей квартиры, я услышала гневную тираду Гали о том, какая я безответственная и что она мне сейчас выскажет. Я перекрестилась (странно, что я помню, как это делается) и открыла дверь. Перед собой я увидела Галю в халате, ее волосы были укутаны в полотенце, на лице была сделана маска для лица. Я сдалась без боя, потупив взгляд в пол.

– И где мы шлялись, юная леди? – с вызовом произнесла Галя, а я тут же вспомнила слова Артура о судимости и угрозах. Также я вспомнила еще одни слова, но тут же тряхнула головой и послала эти мысли чуть подальше.

– Я прогуливалась по Питеру, заходила в кофейню, – уклончиво ответила я.

– Очень интересно! – воскликнула мать, хлопнув в ладоши. – В следующий раз, когда ты будешь «прогуливаться» до десяти часов вечера, будь добра, предупреждай меня!

– Угу.

А я ведь и не заметила, как быстро пролетело время. Уже десять часов вечера, подумать только! Кажется, Дия слишком долго оправлялась с мыслями; хотя после кофейни я приходила домой, и предупреждала Галю о том, что ухожу гулять. М-да, не мать, а ребенок, самый настоящий. Я понимаю, что она волнуется за меня. Но и мне не десять лет! К тому же, я была не одна. Я была с Региной, с Артуром. При мысли о последнем, кажется, защемило сердце.

Как только я зашла в комнату, сразу упала на кровать. Ноги очень болели, я устала и очень хотела спать. Через силу я переоделась, и уснула, как только моя голова коснулась подушки.

* * *

Мне удалось поспать часа четыре, не больше. После я резко проснулась, и больше спать не хотела. Мысли пчелиным роем залетали в голову, и жужжали, голова гудела. Что-то явно было не так, но я не знала, что именно. Глаза слипались, хотелось вновь укрыться воздушным одеялом и поспать, хотя бы до утра. Электронные часы, которые стояли на тумбочке, показывали два часа ночи. Теперь у меня целая ночь впереди.

Я встала с кровати, сделала подобие зарядки, и подошла к окну. На ночном иссиня-черном небе сияли звезды; огромным молочным кружком светилась луна. Говорят, что, если долго смотреть на луну, сойдешь с ума. Но мне это не

грозит: последствия аварии уже довели меня до сумасшедшего состояния. Чувство жалости к себе возрастало с каждым днем, когда я повторяла: «Господи, ну за что мне это!».

Я постаралась не думать о плохом, разглядывая небесные созвездия. Интересно, сколько всего звезд в нашей галактике? Думаю, кто-то вряд ли захочет считать, не досчитает. Небесные стразы то и дело мигали, словно подмигивая мне. Жаль, что звезды не падают; хотелось бы поймать одну.

Интересно, каким образом у людей получилось соединить звезды в созвездия? Наверняка один раз они посмотрели на небо и поняли, насколько оно красиво. А потом создали линии, соединяющие красивое с красивым. Где-то на полке была книга с созвездиями, но искать в почти полной темноте – плохая идея. Тогда я села на диванчик-подоконник и решила создать свои узоры. Я смотрела на звезды и водила пальцем в воздухе, как будто художник держит кисточку. Получалось нечто странное: линии плохо меня слушались, а даже если получалось красиво, я не могла представить, что я нарисовала. Интересно, у художников также? Но сейчас создать что-то новое очень сложно; все уже сделали за тебя. Раньше для человека было открытием природное явление, а сейчас это обычная гроза. За множество веков человечество добилось таких высот, и продолжает развиваться!

А когда-то люди смогли полететь в космос, оказаться на луне, облететь нашу планету. После таких открытий не возникает сомнений, что ты способен на многое. Как бы страш-

но не было! Ведь все неизвестное – это страшно. Какого было космонавтам, которые не знали, что ждет их там, за пределами земли? Когда ты не знаешь, сможешь ты вернуться на родную землю. Впрочем, то, что человек родился – это уже риск. Выходить на улицу, есть вкусную еду, рутинные дела – это тоже риск. Вся наша жизнь – это риск. Наверно, стоит это принять, как это приняли люди, жившие столетия назад.

Я устремила взгляд вверх, в глубь этого синего небесного океана. Где-то там сейчас мои родители. Как они там? Хорошо ли они живут? Или небо разделило их навсегда? Мам, пап, привет! Это ваша маленькая дурочка Диля, которая не ценила то, что у неё было. А сейчас она даже не помнит, что потеряла.

Я включила лампу на стене, и решила поискать блокнотик; почему бы не начать все сначала? Снова начну вести дневник, но настоящий, с чувствами и впечатлениями. Я нашла блокнот в клеточку, на кольцах, с черной обложкой. Конечно, я уже начала вести похожий блокнот с мыслями и переживаниями, но я, наверное, вырву листки оттуда и вклею в этот блокнот. Взяла первую ручку, которая валялась на столе, и записала:

«Привет. Меня зовут Диля, и я...»

Я снова посмотрела в окно, думая, как же мне описать себя коротко и образно. Снова я запуталась в мыслях, как будто начала распутывать огромный клубок ниток. Распутаться в них мне не удалось; я еще больше запуталась. На секунду

задумавшись, я дописала:

«...и я немного на луне.»

Отличное начало! Мне нравится, звучит ярко и необычно.

Хочу сделать этот дневник особенным. Возможно, он будет для моих родителей. Я не сделаю этот красивый блокнотик грустным, как остальные. В нем будут самые яркие, лучшие моменты, которые захочется перечитывать через много-много лет. Чтобы старушка Диля в свои шестьдесят пять вспоминала, как давным-давно потеряла память, как прочитала дневники, как начала писать новый для родителей, как нашла новых друзей и записала воспоминания. Я не буду стремиться записать жизнь, я буду чувствовать ее словами и предложениями, которые останутся в этом дневнике.

Недолго думая, я написала новую запись:

«Здравствуй, Диля из будущего.»

Это не совсем письмо, это целый сборник в будущее. Я сюда буду записывать свои чувства и эмоции. Надеюсь, что мои родители смогут прочитать его когда-нибудь. Я ведь не знаю, какие возможности там, наверху, правда?

Нет, я не сошла с ума. А может, сошла. Я настолько запуталась, что уже смирилась с этой путаницей. Расскажу коротко, что со мной произошло и почему я пишу это именно сейчас.

Моя соседка Галя удочерила меня, и сейчас я сижу в своей комнате. Подумать только, моя соседка, почти незнакомая мне женщина, удочерила меня! А сегодня я гуляла до десяти

вечера, ходила в кофейню, говорила с Артуром на крыше и узнала тайну своей татуировки. Впервые я увидела это тату в больнице; оно вызвало недоумение, потому что слова казались мне необычными, да еще и с подписью. Сегодня я снова познакомилась с девушкой Региной, слова которой нарисованы у меня на руке. Сначала она показалась мне странной, но после общения с ней я убедилась, что она очень веселая, хоть и упрямая. А ее внешность просто прекрасна! Пепельные, словно серебряные волосы; карие, глубокие глаза и немного полноватая фигура. Пышные губы, которые выделяются на бледноватой коже. Она очень напоминает мне героиню моей любимой книги.

Сегодня я говорила на крыше с Артуром. Хоть я и слышала о нем только из рассказов Вики (матери Артура), я уже успела влюбиться в него. Да, когда-то я себе обещала, что больше никогда не буду влюбляться, но это снова случилось. Может, в будущем эта ситуация покажется мне смешной, но сейчас мне совсем не смешно. Мне никогда не признавались в любви. Никогда не заботились, кроме родителей и некоторых родственников. Простите, но мать Артура стала мне, как родная сестра. Нет, не мать; я бы не хотела, чтобы у меня была такая мама. А вот сестру – пожалуйста.

Если этот дневник прочту только я в будущем, или какой другой человек – передай своим близким, насколько сильно ты их любишь. И подумай сама, насколько этот человек тебе важен? Сколько ты готова отдать за то, что бы этот человек

был счастлив? А сколько этот человек готов отдать тебе? Если ваши «жертвы» примерно совпадают, можете смело общаться. Но если ты любишь больше, чем тебя, пора это прекратить. В будущем это принесет лишь страдания»

Фух, кажется, я действительно устала. Минута ночных мыслей закончилась, я описала свой день, пора ложиться спать. Я еще раз взглянула в окно; в одном из домов, в одной из квартир горела лампа. Луч света был направлен на стол, над которым склонилась чья-то макушка. Неужели, кто-то такой же как я, в два часа ночи записывает свои мысли? Значит, я на этом свете не одинока в своих начинаниях. Я посмотрела на небо: на ночную россыпь звезд, на воображаемые линии созвездий, в темно-голубую гладь этого космического океана. Это был действительно тяжелый день, и я многое узнала о матери, о себе, обо всем. Побывала в солнечной кофейне и на алом закате.

Моя голова коснулась мягкой подушки, которая все время манила прилечь и мягко сомкнуть глаза. Укрылась воздушным одеялом, словно я на облачке. Приятная дрожь по телу, спокойствие в душе и радость на лице. Я закрыла глаза, и больше мысли не мучали меня, отпустив мои раздумья и не догадки. А сон завершил свое дело, и унес меня в свое царство небытия.

Утром я проснулась от громких разговоров, доносящихся с коридора. Кто-то несколько раз заходил в комнату; мне это ужасно не понравилось. Почему кто-то заходит в мою комнату и трогает мое личное пространство, когда я сплю? Тем более, без моего разрешения! Я решительно встала с кровати, протерла глаза, потянулась, подошла к зеркалу. Мда, вид у меня не самый лучший; хотя что можно ожидать, когда только проснулась и встала с кровати? Волосы были растрепаны, а на опухшем лице был след от подушки; похоже, что я выбрала не очень удобную позу для сна. Моя тушь, которую я не успела стереть вчера, растерлась по всему лицу, и отчасти я была похожа на панду. Когда-то я смотрела фильм, в котором главная героиня просыпалась с идеальным макияжем и прической. Это показывает, что в фильмах, наверное, правды нет; кроме биографических.

Сегодня в моей светлой комнате было пасмурно: небо снова заполнили грозные тучи, сегодня лучше не идти на улицу. Не каждый день в Санкт-Петербурге светит солнце. Но сегодня попасть под дождь мне не хотелось; лучше остаться дома и привести комнату в порядок. Электронные часы показывали девять утра. Кто пришёл к Гале в такое раннее время? Почему она не попросила этих людей вести себя потише? И кто эти люди?

Впрочем, чтобы ответить на этот вопрос, долго ждать не пришлось – через десять минут в мою комнату зашла девушка; короткая стрижка, рыжие волосы и чёлка набок, которая

была убрана невидимкой. Вытянутое лицо, спортивная фигура, но руки и ноги у нее выглядели, как палочки. На вид девушке лет семнадцать – моя ровесница. Яркий макияж – тёмная помада, румяна и красноватые тени. В глаза не бросается, но и повседневным назвать нельзя. Карие глаза смотрели с иронией, но отражалось в них что-то колючее, злое.

– Уютная коморка, – крикнула она в коридор; оценивающим взглядом она осмотрела мою комнату, и только потом заметила меня.

– А ты кто, чучело? – девушка усмехнулась, презрительно посмотрев на меня.

– Единственное чучело здесь – это ты, так что будь добра, убирайся отсюда.

Она молча стояла в дверях, не ожидая такой развязки. Ха, вот это поворот, правда? Надеюсь, этот человек больше не навестит меня и не испортит настроение. С утра его портить не хотелось; иначе все мои дела пойдут коту под хвост. В то же время мне стало неуютно – в комнате был полнейший беспорядок, а на расправленной кровати сижу я: лохматая, некрасивая и сонная.

– Понятно все с тобой, – девчонка зашла в комнату, взяла какую-то книгу и плюхнулась в кресло. Ее присутствие здесь меня тяготило; она так спокойно вошла в МОЮ комнату, спокойно села в МОЕ кресло, спокойно стала читать МОЮ книгу. Что за наглость?

Пока меня просто распирало от гнева, на лице этой ры-

жей девчонки было изображено такое спокойствие, будто она здесь живёт, а я просто гость. Ничего, может, я ей еще покажу, кто из нас гость, а кто хозяин. Пока я перебирала в голове варианты того, как прогнать эту рыжую, она захлопнула книгу и посмотрела на меня в упор:

– Ты дочь этой, да?

– Можно и так сказать... А ты какого черта делаешь в моем доме?

– Ах да, ты меня совсем не знаешь, я – Лана – улыбнулась девушка.

– Я Диля, и я живу в этом доме. Не могла бы ты свалить из моей комнаты? Я только что проснулась, и твое присутствие меня очень напрягает и раздражает, – деликатно объяснила я.

Лана ухмыльнулась, сложив руки на груди. Такая позиция убедила меня, что она отсюда не уйдет. Хорошо, будем играть по-твоему; я надменно встала с кровати и начала ее заправлять. Лана удивленно наблюдала за моими движениями, вскинув брови. Я заставила постель, и пошла к столу; я собиралась убираться в комнате, и неважно, будет здесь эта девчонка, или нет. Лана встала и пошла за мной, с книгой в руках, надменно подняв голову. Молча я собрала блокноты, ручки, разложила все по полочкам, вытерла пыль. Со стороны я выглядела спокойно и старалась сделать равнодушное лицо, когда внутри все больше и больше записала ярость. Когда эта рыжая уйдет из моей комнаты? Я надеялась, что мои

вещи и я не привлекаю ее внимания, хотя Лана пристально наблюдала за моими действиями. Я по-прежнему была растрепанная и с растертой тушью на лице. Лана долгое время стояла рядом, но, когда я убралась на столе и взяла одежду, чтобы переодеться, Лана цокнула языком и отвернулась. Я усмехнулась: не нужно было заходить в мою комнату. В конце концов, я имею полное право на переодевание в моем доме. Когда я переделалась и села за стол, Лана оживилась и сказала:

– У тебя странное имя.

– Это все, что ты надумала? Что ж, тогда взаимно. У тебя тоже необычное имя.

Лана еще походила по комнате, почитала содержание книг (зачем ей это?), покрутила в руках мой фотоаппарат, смотрела некоторые дневники, я их достала из коробки. Но как только блокнот оказывался в ее грязных руках, я тут же забирала его. Лана обиженно посмотрела на меня, и закончила изучение моей комнаты.

– А фотик твой?

– Да, но я беру его только на длительные прогулки.

Лана решила посмотреть фотографии. Она схватила фотоаппарат, а я постаралась выхватить заветное устройство. Я не успела посмотреть фотографии, хотела оставить их на потом. Поэтому я не могла позволить, чтобы незнакомая девчонка увидела мои воспоминания раньше меня! Но Лана была на голову выше меня, поэтому взять от меня фотоаппарат

ей не составило труда. Попытки посмотреть фото не удались: фотик был выключен.

Лана что-то пробормотала, очевидно, ругательство. Я схватила ее за руку и повела на кухню, где Галя разговаривала с еще одним гостем. От неожиданности Лана постаралась высвободиться, но моя рука сильнее ее попыток. Странно, наверное, я раньше ходила на плавание или другой вид спорта.

На кухне Галя разговаривала с мужчиной. Он был очень высоким, казалось, что его голова коснётся потолка. У него была рыжая борода, с виду веселый характер. Овальное, широкое лицо, усыпанное веснушками, небольшая складка на лбу. Он постоянно улыбался и смешно шутил, так что моя мать смеялась на весь дом. Мужчина был приятной наружности, но не все конфеты в красивой обертке вкусные.

– Диля, знакомься, это Дмитрий, – улыбнулась Галя. – Дмитрий, это Диля, моя дочь.

– Очень рад познакомится, Диля – протянул свою здоровенную руку мужчина. Я пожала его руку, мило улыбнувшись.

– Может, взаимно. – усмехнулась я.

Дмитрий сначала нахмурил брови, но не обратил внимания. Что ж, посчитал меня странной или невоспитанной, но я привыкла к подобному. Они с Ланой были слишком похожи: только у отца были серо-зеленые глаза, а у Ланы карие. Впрочем, у обоих глаза смотрели с неприязнью, словно заглядывали в душу. Я мысленно молилась, чтобы они не

остались здесь жить; пожалуй, это квартира моих родителей. Это моя квартира, в которой мои воспоминания, мои чувства. Эта квартира пропитала запах кофе и родную, уютную атмосферу, и я никому не позволю все разрушить. Поэтому проще оставить все здесь и переехать в новую. Я представила, как в спальне родителей переклеивают обои, и стало очень обидно. Ведь мы с Галей стали жить здесь, потому что я предложила. Впрочем, зачем я себя накручиваю?

– Они же не будут жить здесь, – вслух сказала я, о чем за секунду пожалела. Если у Гали появился новый мужчина, то это просто катастрофа: мне же нужно жить с этой рыжей девчонкой, а каждое утро видеть Галю и Дмитрия вместе. Я поморщилась – не стоило этого представлять.

Галя и мужчина переглянулись. У Ланы брови взлетели вверх, и вырвался смешок, который она тут же скрыла кашлем. Дмитрий почесал затылок, вопросительно глянув на меня. Я передернула плечами, взглянув на пол. Чего они смотрят на меня? Ну да, сморозила же глупость!

– Я думаю, что они будут жить здесь, но не сейчас – протянула Галя, пытаясь убрать неловкую паузу. – Диле нужно время, чтобы справиться с потерей, ведь это ее родной дом.

Я стояла в полном ступоре. Черт, сейчас Галя еще сболтнет лишнего; если уже не рассказала. Галя не может рассказать о моей потере памяти и родителей, верно? Если она уже все разболтала, то я возненавижу ее до конца своих дней.

Дмитрий постарался скрыть свое недовольство, раздумыва-

вая, что мне ответить. Он смотрел на меня в упор, с презрением и ненавистью. Похоже, с ним я ужиться не смогу. Сейчас я еще больше убедилась, как он похож с дочерью; но не внешностью, а характером. И Лана, и Дмитрий вредные, надменные и злые. Но может, это лишь первое впечатление? Хотя первое впечатление решает, как ты будешь общаться с человеком в будущем.

– Давайте сходим в парк, – примирительно сказала Галя, осторожно поглядывая на Дмитрия. Он сложил руки на груди, сделал равнодушное лицо, цокнул языком и кивнул; Галя мило и радостно улыбнулась.

– Давайте, – проямлила Лана, она ела только испеченный круассан; Галя снова испекла вкусности, а я даже не успела позавтракать! Приперлись же гости, а мне поесть не дали. Идея пойти в парк казалась мне не очень хорошей: на небе собирались тучи, я проснулась только час назад, не успела позавтракать. Я взглянула на Галю и сказала:

– Давайте пойдём в парк, но только тогда, когда я поем. Как вижу, вы уже все вместе позавтракали, а меня не позвали.

– Да, конечно, твой чай налит, на столе стоят круассаны, а я пошла собираться, – спохватилась Галина и побежала в свою спальню.

Дмитрий хмыкнул. Лана пожала плечами, она продолжала пить чай и кушать божественную выпечку Гали. Я тоже принялась за еду, ни с кем не разговаривая. Дмитрий пона-

блюдал за нами, еще немного постоял на кухне и ушел в другую комнату.

После замечательного завтрака все ушли собираться; я решила взять с собой наушники, поставила аккумулятор фотоаппарата на зарядку. Закидала все вещи в рюкзак, надела черный свитер, темные джинсы. Сделала пару движений расческой; в комнату заглянуло солнышко. Его лучи пробивались сквозь черные тучи. Те же то полностью закрывали солнце, то уплывали, отпуская солнце из своих объятий. Ненадолго я загляделась в окно, наблюдая за людьми: с высоты моего этажа было видно, куда они идут, что делают, можно даже разглядеть их одежду. Дети веселились на площадке: кто-то катался с горки, кто-то качался на качелях. Кто-то играл в догонялки, кто-то уже упал и сидит на скамейке. Вдруг возникла ссора – два мальчика лет, может быть, девяти, подрались. Они подрались из-за какой-то популярной машинки; но через десять минут снова играли вместе, будто ничего не произошло.

– Неужели тебе так интересно, что происходит на улице? – спросила меня Лана, которая неожиданно и тихо вошла в комнату; я совсем не слышала ее шагов, наблюдая за людьми. Я не обратила внимание и продолжила смотреть в окно: на верхушки зданий, на серые, темно-синие тучи, на тусклые лучи солнца, которые еле пробивались сквозь пелену облаков. Я мотнула головой, присела на диванчик и ответила на вопрос рыжей:

– Гораздо интереснее, чем разговоры с тобой, – усмехнулась я.

Я не видела Лану; но спиной я чувствовала ее прожигающий взгляд. На секунду показалось, что она прожжет во мне отверстие. Впрочем, одно уже есть: непреодолимая пустота, находящаяся внутри. Ее не видно, но я ее чувствую. Словно кто-то заполнил пустоту, когда я была маленькой, но этот кто-то исчез, забрав часть меня с собой. Нет, это не родители. Кто может быть? Кто забрал ту самую часть меня и не хочет отдавать? Я не знаю; я не понимаю, кого еще я потеряла, или кто меня оставил. Это еще одна картинка, которую мне нужно собрать.

Было бы здорово записать все эти мысли на бумаге и не морочить голову. Но пока в комнате находится Лана, я не смогу это сделать. Не смогу даже спокойно сформулировать мысль, потому что мыслям, струящимся потоком из моей головы на бумагу, мешала огромнейшая стена в виде постороннего человека. Я ценю свои чувства, и не хочу, чтобы кто-то их ранил или о них узнал. Это тайна, и узнать ее не каждый сможет. Даже если попытается, я все равно не позволю это сделать! Не хочу показаться слабой или объектом для насмешек. Потому что я вовсе не слабая!

На улице стало темнее – тучи уплотнились, и лучи солнца совсем скрылись. Закачались ветки деревьев; их клонило от сильного ветра. Небольшую песочную пыль ветер поднимал вверх, и получался мини-ураган из песка. Чтобы не бы-

ло совсем скучно на улице, я взяла с собой блокнот. Может, удастся порисовать наброски птиц, людей или написать что-нибудь.

Галя, наряженная в обычные черные джинсы и классическую рубашку в клеточку, заглянула в комнату:

– Девочки, пошли гулять в парк. Вы собрались?

Если бы я шла в парк не с Галей и «гостями», я бы давно свалила отсюда. Но какой смысл уходить, когда будут ходить с тобой? У меня было плохое предчувствие: погода не желает, чтобы мы пошли гулять в парк. Скоро пойдет дождь, крупными каплями будет падать на лицо, одежду, рюкзак. Но я давно не чувствовала дождя; а хотелось бы. Поэтому я прошла в коридор, накинула куртку, обула черные кроссовки, надела рюкзак и вышла из дома.

16

На улице пахло влажностью; уверена, наконец то пойдет дождь. Я улыбнулась, впервые за этот день, потому что счастью не было предела. Я снова увижу дождь! Снова почувствую капли воды, освобождающие от всех забот и тревожных мыслей. Помнится, когда-то я прыгала по лужам. В розовых резиновых сапогах, маленькая брюнетка Диля прыгала в огромные лужи, радуясь дождю. Я это вспомнила, или мне это приснилось?

А вот Дмитрий все время ходил с кислой миной: идея

выйти в такую погоду на улицу ему не понравилась, что вполне разумно. Рядом с ним, взявшись за руки, шла Галя, довольная и радостная. Ее худое и желтоватое лицо осветила настоящая улыбка, волосы растрепались, она сама стала ярче и красивей. Она встала с нужной ноги, или так действует влюбленность? Влюбленность похожа на наркотик – вредная штука, но приносит счастье и радость. Есть лишь одно отличие: наркотики разрушают здоровье, а влюбленность – нет. Впрочем, зависимость одинаковая: наркотики вызывают зависимость нового вещества и дозы счастья, а влюбленность – зависимость любви. Последнюю очень сложно достать, получить и подарить, поэтому влюбленность может быстро улетучиться.

Лана шла, уткнувшись в телефон. Она не замечала ничего вокруг, листая ленту «вконтакте» и «инстаграм». Просмотр записей, чтение постов – тоже небольшая зависимость. Зависимость, которая не принесет большого вреда здоровью; скорее, это зависимость в потребностях. В потребностях общения, эстетического наслаждения, потраченного времени в пустую. Сейчас это самая распространенная зависимость – все стали заложниками интернета. Это не плохо! Даже наоборот: люди множество информации узнают из интернета, общаются, обучаются, находят друзей по интересам и много полезного. Но иногда пользование интернетом заходит слишком далеко: люди не ищут новую информацию, не общаются, только тратят свое время. Как я уже поняла, время –

ценный материал, хоть и иллюзия. Но если ты теряешь время, то ты его уже не вернешь. Никто не может вернуть время.

А дети с площадки исчезли, будто и не было их вовсе. Наверняка они разошлись по домам, наигравшись, или кого-то загнали на обед. Было уже около полудня; вероятно, из-за непогоды многих детей забрали родители. Сейчас качели и горки пустовали. Я ведь не знаю, сколько времени я потратила в пустую. Не помню, когда в последний раз каталась с горки. Что ж, пока у меня полно времени, я скачусь с горки! Я чувствовала себя прекрасно – совсем ребенком. Я все больше взрослею и жалею о том, что больше не вернуть тех радостных и теплых моментов детства. Но если момент не вернуть, нужно его создать! После катания с горки

Всю дорогу до парка мы шли молча, как разные люди. Даже Галя (известная сплетница) ничего не говорила о внешности людей, об их поведении и как бы она повела себя в чужой ситуации. Здесь молчание было слишком напряжённым. Если с Артуром я шла молча, потому что все понятно без слов, то сейчас я молчала, потому что боялась нарушить гробовую тишину и сболтнуть чего-нибудь ненужного. Лана с безмятежным лицом делала слишком отстраненный вид, доставая телефон или разглядывая качающиеся ветки деревьев.

Когда мы дошли до парка, я сразу присела на любимую скамейку. Здесь проходили все разговоры и встречи. Даже сейчас, когда я никого не ждала, я решила порисовать и

почитать; с Дмитрием и Галей я все равно не разговаривала, поэтому толку ходить за ними нет. Дмитрий и Галя ушли в глубь парка, мило беседуя. Я незаметно поморщилась; неужели когда-нибудь я стану такой же? Надеюсь, что нет.

Назойливые воробьи снова кружились у скамейки. Пока ко мне никто из знакомых не пристал, я достала блокнот, карандаш и ластик. Снова форма птиц вылепливалась на бумаге, снова короткие и длинные штрихи успокаивали сознание. Я не нервная, но мои мысли постоянно путаются друг в друге. Туда и сюда, они вертятся в сплошном вихре моей головы. Именно рисование и изливание чувств на бумаге словно вызволяли этот вихрь, отпуская из моей головы. Процесс рисования был долгим и интересным, пока один из воробьев не улетел на соседнюю березу.

Ее голые ветки, еще без почек, приютили перистое создание у себя на макушке. Воробей зачирикал; неужели весна? На дворе была середина марта, но в Санкт-Петербурге весна наступает только к апрелю, не раньше. Воробей покинул композицию в жизни, но я постаралась дорисовать его по памяти. Ничего не получалось; штрихи меня не слушались, карандаш затупился, а ластик настолько стер бумагу, что рисунок окончательно испортился. Впрочем, каждый художник много раз хотел сжечь или выбросить свою работу, но не делал этого. Потому что в будущем он смотрел на ошибочные работы, и видел, как повысил свои навыки и чего добился.

Но я считаю, что, если художник все время рисовал одно и то же, пусть и дошел до совершенства, он никак не продвинулся. Не рисуешь фон – не развиваешься. Не умеешь что-либо рисовать – не будешь развиваться, пока не начнешь это рисовать. Все эти понятия стиля, техники и «уникальности» – лишь отговорки для тех, кто не хочет или боится развиваться в этой сфере.

Поэтому я вырвала листок из блокнота и решила записать все свои ощущения и мысли за этот день. Я запихнула все свои успехи в рисовании набросков и достала новый блокнот с черной обложкой. Напомню, что я начала вести этот блокнот ночью, когда рассматривала звездное небо и писала своим родителям. Я еще мало писала в этом блокноте, и единственной записью была та, что написала я в два часа ночи. Еще я вклеила листки бумаги, на которых писала в другом блокноте. Стоило мне открыть мой новый, не исписанный блокнот, как из него выпал конверт. Небольшой, белый конверт, заклеенный наклейкой из детского журнала про фей. Я подняла конверт, чтобы увидеть его наполнение. Благодаря хоть какому-то свету тусклых лучей я увидела, что внутри лежит два прямоугольника. Первый по плотнее, второй побольше. Я вскрыла конверт: в нем лежала фотография и письмо. На фотографии изображена семья: высокий, крепкий мужчина держал за руку маленькую девочку с косичками, рядом с ними стояла мама, женщина с бледной кожей и темными волосами, как ночь. На лицах семейства си-

ляли улыбки. Но не наигранные, которые часто бывают на подобных фотографиях, а настоящие, счастливые, излучающие тепло и доброту. Письмо было сложено в несколько раз, и когда я его развернуло, оно оказалось огромным; размером с лист А3. Но написано было совсем немного: на листке были вклеены еще несколько фотографий.

Я развернула письмо; в нем было написано:

«Дорогая Диля! Пишут тебе твои мама и папа. Сейчас тебе только пять лет, но мы очень тобой гордимся! Ты делаешь огромные успехи в рисовании и спорте, в детском саду тебя хвалит воспитатель. Тебе не нравятся логические задачи, но ты любишь лепить скульптуры животных с мамой, мы лепим их из глины. Мы с тобой уже слепили воробья, ворону, несколько дроздов. Фигурки получаются кривоватые, но нам очень нравится! Скоро слепим некоторых животных и перейдем к героям мультфильмов и сказок. С папой ты больше играешь в бадминтон – твой любимый вид спорта. Когда ты подрастешь, мы запишем тебя на плавание.

Ты еще такая маленькая, и мы тебя любим безмерно. Хотя ты и капризный ребенок, но в этом возрасте все капризные. Мы надеемся, что ты прочитаешь это письмо, когда вырастешь и станешь самостоятельной. Милая, какие бы проблемы тебя не настигли, не сдавайся и иди вперед! Мы видим твои успехи сейчас и хотим, чтобы они переросли в нечто большее. Если что-то случится, помни, что твои родители всегда любят тебя и гордятся тобой!

С любовью, мама и папа»

На глаза наворачивались слезы. Боже, ну почему это произошло именно со мной?! Подул сильный ветер, закачал ветки деревьев над головой. Дмитрий и Галя ушли далеко, в глубь парка, а сейчас начнется дождь. Волосы закрывали и липли на лицо, скрывая соленые капли, которые не переставали литься из глаз.

Лана тихо всхлипнула. Сначала я ее не заметила, потому что увлеклась чтением письма и рассматриванием фотографий. Сегодня я впервые увидела эту девушку, а она уже успела прочитать личное и дорогое мне письмо и посмотрела фотографии; но мне было все равно. Прочитала, ну и что с того? Она все равно не понимает, о чем речь. Я краем глаза взглянула на нее: Лана отвернулась, закрыв лицо руками и тихо всхлипывая.

Я снова взглянула на фотографию. Выходит, что это моя семья 11 лет назад. Конечно, девочка с косичками – это я; мужчина с грубыми чертами лица и радостной улыбкой – мой папа; а женщина с густыми, длинными ночными волосами – моя мать.

– Мне очень жаль, – всхлипывая, сказала Лана. Мое сердце заныло; стало очень больно и обидно.

– Не нужно меня жалеть; терпеть не могу, когда жалеют. Легче мне не станет, – ответила я.

– От чего станет легче?

– Единственное, что может спасти в трудную ситуацию –

это ты сам. Люди приходят и уходят, а ты всегда одна.

Я сложила письмо, вложила в конверт. Но в нем было что-то еще; эта вещь была чуть тяжелее, чем письмо, но она была чуть меньше. Я достала эту вещь, третий прямоугольник – документ в файле. Внимательно его прочитав, я поняла, что это завещание на квартиру. После удочерения квартира не может перейти по наследству, если нет завещания. Но зачем родители написали завещание, когда мне было пять лет? Впрочем, лучше положить его туда, где не найдет Галя или Дмитрий. Пока что я убрала завещание в конверт, а потом в рюкзак. Если у Гали и вправду раньше было несколько судимостей за мошенничество, лучше это завещание никому не показывать. Я лишь не знала, зачем написано завещание, когда мне было только пять лет; да и наследство я могу получить только после восемнадцати. Здесь есть какая-то история, о которой я не знаю, но обязательно должна узнать.

17

День номер сорок.

Я пишу эту запись в парке, очень тороплюсь, чтобы никто не заметил меня и мои мысли. С неба начали капать небольшие капли дождя. Это было ожидаемо: все утро на небе воевали темные тучи и яркое солнце. К сожалению, победили тучи; они лиловой толпой собрались над Питером, и стало совсем печально. Галя и Дмитрий гуляли где-то в глубине парка, и я решила, что просто пережду дождь здесь. Ветер

решил устроить мне сладкую жизнь – он бушевал, качал деревья и раздувал волосы, которые прилипали к лицу. Рисовать не было смысла, мой блокнот сдует вместе со мной. Чтобы укрыться от дождя и ветра, я побежала на детскую площадку и спряталась в игрушечном деревянном домике. Снаружи он выглядел привлекательно: деревянные стены, крыша, покрашенная в небесный цвет; разноцветные ступеньки вели к входу; на крыше красовалась фигурка совы. Внутри домик был исписан и изрисован: номера телефонов, нецензурные слова, сердечки и прочее. Сразу возник вопрос: здесь точно играют дети? И дети ли вообще? Ливень только усилился, но должен был затихнуть через двадцать минут. Я присела на корточки, чтобы ноги не устали за такое время, да и делать было нечего.

Впрочем, меня атмосфера этого домика совсем не смущала; здесь никого не было, как и в самом парке. Словно я осталась совсем одна-одинешенька, на ровне со своими одинокими и стремящимися ввысь чувствами, и эмоциями. Это позволяло мне писать что угодно и сколько угодно, отпуская все ощущения на бумагу.

Я прочитала письмо одиннадцатилетней давности, с такими же фотографиями и завещанием. Это позволило чуть больше знать моем детстве и занятиях: я любила лепить из глины и заниматься бадминтоном. Письмо придало мне больше уверенности в себе и все больше разочарованности в своей судьбе. Но я постараюсь отпустить то, что со мной

произошло. Уверена, что скоро я отпущу все события того дня также, как и мысли на этой бежевой бумаге.

Один вопрос мучает меня до сих пор – зачем родители оставили завещание? Мне тогда было пять лет, и родители были достаточно молодые, чтобы писать завещание и наследство для меня. Трагедия произошла спустя одиннадцать лет; все это время родители знали, что квартира достанется мне. Все это время они знали, что в одном маленьком конвертике лежит моя будущая собственность. Конечно, смерть ждет каждого из нас, и никто не знает, когда она выйдет из тени и покажет свою силу. Никто не знает, когда его лучшие дни закончатся. И сделать дополнительный шаг на всякий случай – хорошая идея, но наследство я получаю только после совершеннолетия. Это я вычитала на каком-то сайте, только что поискав в интернете. Но тайну этого письма я никогда не узнаю; да и нужно ли мне это? Стоит задуматься над более важными вещами, чем пустяками: письмами, фотографиями и случайными записями в блокнотах.

Это все, что я сегодня хотела сказать, дневник. Может, мы с тобой еще увидимся, ночью или вечером. К домику подбегает Лана, укрывшись руками от дождя и промокнувшая до нитки. Я и не заметила, как она куда-то уходила. Искала Дмитрия и Галю? Или просто уходила по делам, или ей кто-то позвонил? Но для меня это сейчас не важно; мне вообще все равно, куда она уходила. Главное, что сейчас она бежит сюда, в домик, и мне нужно заканчивать эту запись.

Я быстро захлопнула дневник и спрятала в рюкзак, что было как раз вовремя – Лана уже зашла в деревянный домик. Я сделала невинное и равнодушное лицо, словно я ничем не занималась; залезла в телефон, но все еще ничего не делала. Просто водила пальцем по экрану, будто печатаю кому-то сообщение. Лана стояла посреди домика, с нее стекали капли. Волосы промокли, словно она только помыла голову. Она молчала и разглядывала надписи на стенках домика. После она тоже присела на корточки, и выглядели мы странно; впрочем, нас все равно никто не увидит. Какой дурак будет гулять в такую погоду?

Лана цокнула языком, поправила волосы и вытерла смывтый, растертый макияж.

– Погода просто отличная! – с сарказмом воскликнула она.

– Угу.

Лана презрительно посмотрела на меня. Не хочу я с ней разговаривать, и что с того? Пусть просто отстанет! Тем более, она помешала еще немного написать в моем дневничке. Лана оглядывалась по сторонам, а дождь все шел и шел. Лана достала телефон и вытерла об мокрую кофту, телефон лежал в кармане и один раз упал в лужу. Сейчас он, конечно, работал плохо. Как же хорошо, что существуют водонепроницаемые телефоны и чехлы. Лана долго думала и поправляла

свою внешность, а потом сказала:

– Галя говорила что-то про твою память, аварию и потерю, – деловито произнесла она. – Расскажешь мне поподробнее? Ты действительно ничегошеньки не помнишь?

Я отвлеклась от телефона, точнее, от невидимого «собеседника», которому я печатала сообщения. Подарила рыжей девушке грустный взгляд; снова, снова и снова. Сколько можно напоминать мне о моей же памяти? Я кивнула и сказала:

– Да, почти ничего не помню. Не помню, как я жила, чем занималась и с кем общалась, – вздохнула я.

– А твои родители?..

– Моих родителей больше нет. Все, они погибли.

Я отвела взгляд в сторону, наблюдая, как капли дождя падают в лужу и образуют пузырьки воздуха, мгновенно лопаются. Я не люблю говорить о родителях; хотя бы потому, что даже не помню их внешность. Если бы не та фотография и дневники, я бы сомневалась, что родители у меня вообще были.

– Понимаю, но ведь это лучше, чем они бы бросили тебя, да?

Я удивленно посмотрела на Лану. Она с вызовом посмотрела на меня. Но, пожалуй, в отражении карих стеклянных глаз мелькала грусть и тоска. Ее мокрые волосы все еще не высохли, и она то и дело поправляла их. Лана поникла, яркий взгляд стал тусклым, а плечи опустились.

– Если бы меня бросили, я бы сейчас не была здесь. Может, если бы меня бросили, я бы отправилась к бабушке, или туда, где я жила раньше. Не думаю, что имеет смысл рассуждать, что было бы, – задумалась я. А шёпотом добавила, совсем тихо, будто для самой себя: «потому что уже никогда не будет.» Лана меня, конечно, не услышала. Она потупила взгляд в деревянный пол домика. Я почувствовала всю неловкость ситуации: идет дождь, а мы рассуждаем и откровенничаем, хотя даже не знаем друг друга. В таких моментах меня переполняет странное и горячее чувство в груди, словно я сейчас прожгу еще одно отверстие в своем теле. Если я говорю начистоту, по правде, откровенно, начинают дрожать коленки, немеют ноги, отнимается челюсть и потеет лоб. Сейчас я не так сильно нервничала, но уже чувствовала предательскую дрожь и теплоту в коленках.

– А я не знаю, бросили меня, или у меня просто нет родителей, – вдруг сказала Лана. Да, она хочет поговорить начистоту. Но вот что интересно – она хочет узнать обо мне, поговорить или просто выговорится? Я тут же выразила свою мысль и сказала:

– Если ты хочешь что-то сказать, говори сразу.

Лана замешкалась, нервно закусив губу. Очевидно, что ей та тема не нравилась, но больше обсуждать в домике было нечего, а дождь все еще шел. Она сама начала этот разговор, так пусть продолжает!

– У меня есть мать и отец, но я не чувствую, что они ря-

дом, – начала Лана. Теперь я почувствовала, как прожигается отверстие в моей груди. Что-то отозвалось на слова Ланы, но я не понимаю, что именно. – Мама вечно гуляет, мне всегда твердили, что я проблема в этой семье. Отец слишком заинтересован личной выгодой и карьерой – ее голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки и успокоилась. Или сделала вид, что успокоилась. Я постаралась не выражать никаких эмоций, чтобы спокойно выслушать девушку. Думаю, сейчас я и мое мнение ей ни к чему.

Внутри бушевали странные чувства: мне было тяжело чувствовать ее боль, а вместе с этим радость и тоску, ведь я нашла, нашла человека, который близок мне. Не знаю, правдиво это чувство или нет. Но при словах Ланы мое сердце отбивало четкие удары, и я слышала каждый. Нет, я не влюблялась. Влюбится – это полюбить человека с немного другим характером, достоинствами и недостатками. Сейчас я чувствовала родное ощущение. Как родственная душа!

Я молчала и ждала, пока девушка расскажет что-нибудь еще. По ней было видно, что все порядком ее достало, но выслушать ее некому. Я все дольше и дольше выжидала; молчание длилось около двух минут. Лана старалась не поворачиваться ко мне; а я рада – не хочу видеть ее упрямый и колючий взгляд, точно не сейчас. Лана резко перевела тему:

– В прошлой школе меня все ненавидели, издевались и считали злой. А я ничего им не сделала. Да и не сделала бы!

Я убедилась: ей нужно просто выговорится. Тогда я про-

молчала и выжидала, пока Лана расскажет дальше. Но девушка ждала моих слов, и тоже молчала. Тогда я задала очевидный, но важный вопрос:

– Почему? Почему тебя ненавидели?

– Потому что я перестала доверять людям. Не верила их словам и обещаниям, даже чувствам. Не слушала их мнение и посылала куда подальше, – закусил губу Лана. – Никому из моих одноклассников не нравился мой вид, мой стиль, мое мышление и хорошие оценки. В школе я была белой вороной – всегда выделялась на сером и якобы «модном» фоне остальных девочек.

Вот это новости! Хотя, сначала Лана и мне показалась злой; нет, она была злая. Она очень взбесила меня своим поведением! Наглая девушка, которой плевать на чужое мнение и уважение. Но когда я услышала ее грустный рассказ об отце и матери, о школе, моя неприязнь к ней пропала. Теперь Лана была для меня лишь жертвой обстоятельств: в семье ее не любили, в школе тоже, что осталось человеку? Верить в добро и наивно всех прощать? Нет, не сможешь по-доброму относиться к людям, когда они мешают тебя с грязью.

– А ведь раньше я доверяла людям. Была у меня лучшая подружка, звезда школы, вся такая миленькая и веселая, да только я знала ее настоящую, – мрачно продолжила Лана. Невольно у нее сжимались кулаки, она то и дело вздрагивала и всхлипывала.

Дождь все шел и шел. Казалось, что он будет идти веч-

но. Никто нам не звонил, никто не беспокоился; мы словно остались навсегда жить под каплями дождя. Ветер перестал бушевать, но все еще качал ветки бедных деревьев. Птицы попрятались по своим гнездам.

– Моя якобы «подруга» бросила меня. А потом со своей командой олухов избила меня, еще и на камеру снимали, даже пару шрамов осталось, – Лана совсем поникла. Чтобы не заплакать, она уставилась на дождь, который начал утихать. Теперь он лишь капал звонче и медленнее: «Кап-кап, бульк». Послышался всхлип, а я не знала, как мне помочь. Как я могу успокоить человека? Сказать, что все хорошо? Да что тут говорить, когда все плохо.

– Нужно было пойти в полицию, ведь видео распространилось в соц-сетях. Но когда я пришла домой в грязной одежде, синяках и слезах, отец решил, что я просто не умею защищаться. Он пропустил мимо ушей мои рыдания и объяснение, что меня не просто били, а толпой избивали; но ему было все равно.

Лана сделала драматическую паузу, а я молчала. Даже перестала дышать на минуту! Нарушить подобную тишину – смертный грех. Тишину, когда один человек вот-вот дойдет до истерики и нервного срыва, расплается, а другой просто не знает, что сказать. Да и что тут сказать? Если начну что-то говорить, выйдет несуразная глупость. В такие моменты лучше просто молчать. Молчание – золото.

– С того случая я стала ненавидеть людей. Перешла в дру-

гую школу, а толку от этого не стало. Надоело быть для всех хорошей, когда внутри все уничтожено.

Лана проводила пальцем по песку, который натоптали люди уже много недель. Лана рисовала узоры и строила композиции из квадратов и кружочков.

Дождь, наконец, перестал. Мы вышли из домика и направились домой. На сегодня приключений хватит. Я обдумывала слова моей новой подруги; поняла, что иногда человеку нужно просто выговорится. Она не ждала с моей стороны подобных историй или рассуждений; ей была нужна лишь поддержка и человек, который умеет слушать, а не критиковать. Невольно я подумала, что Лане не помешало бы потерять память.

Именно из-за амнезии я не помню старые обиды, и живу хорошей жизнью. Но у амнезии есть и темная сторона – ты не помнишь хорошие моменты. Дни рождения, счастливые лица, радостные секунды. Ты можешь увидеть эти моменты лишь со стороны, через фотографию или запись. Ты уже не чувствуешь радости; не чувствуешь ничего. Смотришь на бездушную фотографию; не понимаешь, что на ней происходит, кто на ней изображен. словно оказался на закрытой вечеринке и никого не знаешь. А такое чувство не вызывает! Предметы вызывают чувства, когда они связаны с человеком. Но стоило человеку потерять память, как все связи разом оборвались. Их нельзя восстановить, только в редких исключениях. А мне осталось лишь дочитать дневники и по-

смотреть запись, которая замазана корректором.

19

День сорок девятый.

Дневник, я уже неделю тебя не вела. Не писала здесь ничего: ни мыслей, ни чувств. Как будто я исчезла, стерлась с лица земли или провалилась под землю. Но спешу обрадовать – или разочаровать, ничего подобного со мной не случилось, а я чувствую себя прекрасно. В последнее время я тебя забросила, потому что не было надобности тебя вести. Мама и папа! Простите, что так давно вам не писала. Я устраиваю свою жизнь, общаюсь и восстанавливаюсь, и дневники выходят с поля боя. С поля боя, на котором сражаются две частички меня: настоящая и прошлая.

Как оказалось, прошлая часть меня была просто ужасной; ненавидела и не уважала людей вокруг, могла грубить близким людям и друзьям, никогда не думала о последствиях. Об этом я узнала из следующего дневника, который я вела в пятнадцать лет – ровно год назад. Обложка дневника пахла мятной жвачкой и выделялась на фоне остальных дневников: на ней были наклейки, цитаты в стиле «у всех любовь, а у меня друзья четкие», множество страз и ненужной ерунды. Тогда я заканчивала девятый класс; что у меня было в голове? Сейчас я удивляюсь, как тогда сдала экзамены. Впрочем, я занималась спортом, а значит, не курила, не пила алкоголь,

не принимала наркотики. Это уже хорошо!

Первая запись в дневнике, по традиции, запрещала его читать. Далее начинались ежедневные записи, каждый день я писала чушь, иногда свои мысли, странные пожелания или выражала свое недовольство к окружающим. Этот, самый последний дневник из коробки, я ненавидела больше всего. Тогда я не ценила себя, окружающих, то, что у меня есть и что было. Я по-хамски относилась к родителям, каждый день писала неблагодарности и выражала в дневнике всю свою ненависть. Сейчас, когда у меня ничего не осталось, кроме предметов и этих ужасных дневников, я жалею о своей глупости. Мои родители любили меня и заботились обо мне, а я их ненавидела и не скрывала это. Боже, сколько глупостей я еще натворила за историю этого дневника?

Раньше я думала, что множество вещей вспомню и мне станет лучше. Я горела желанием восстановить память, восстановить все моменты и жить счастливой жизнью. И что в итоге? Я узнала о своей темной стороне, которая никого не любила и была слишком избалованная. Узнала то, чего я всей душой надеялась не прочесть и не вспомнить.

И зачем тогда вообще восстанавливать память? Чтобы вспомнить об ужасных вещах и всю жизнь карать и винить себя? Теперь я не смогу стереть эти воспоминания, как бы мне этого не хотелось; никогда не смогу простить себе, что так относилась к людям. Я была настоящей и маленькой стервой.

Дочитывая дневник до конца, мне становилось все хуже. Как хорошо, что после аварии я стала совсем другой. Но, может, я изменилась из-за потери родителей? Ведь если ты плохо относишься к кому-то, то после их потери начинаешь жалеть о содеянном...

Но я заметила, что любой человек может измениться, если дать ему второй шанс. Я изменилась, но сама того не заметила. Лана тоже изменилась, когда я ее выслушала и поддержала. Людям нужно давать второй шанс. Не важно, какими они были в прошлом: злыми или добрыми, тупыми или умными, прошлое можно забыть. Его можно забыть, как это сделала я; забыть вещи, с которыми связаны воспоминания. Можно лишиться прошлого благодаря психологам, попробовать отпустить то, что так тревожило в прошлом и мешает жить в настоящем. Не важно, было в прошлом! Важно, что в настоящем есть силы все изменить.

На часах тикали уже двенадцать часов ночи; полночь. Я пишу эти заметки уже целый час, стараясь фильтровать и формулировать мысли, приводя их в порядок. Ведь если я неправильно напишу или выражу свои мысли и эмоции, на следующее утро, или через десять лет, прочитать эти записи будет невозможно. Ах да, снова пишу это ночью; выбираю именно это время суток для письма нелепых мыслей по нескольким причинам. Во-первых, днем у меня слишком много дел, и выкроить времечко для дневника и заметок не

удаётся. Во-вторых, ночью тихо; никто тебе не мешает, никто не тревожит, никто не заглядывает в твой личный дневник, и никто о нем до сих пор не знает.

Да, я никому не говорила о новом дневнике, хотя веду его уже две недели, начиная с возвращения домой. Нужно ли вообще кому-то говорить о таких вещах? Самых близких подруг у меня нет, такие у меня были только в десять лет. Сейчас говорить о том, что ты в одну книжечку с черной обложкой записываешь все свои искренние чувства, мысли, эмоции и желания – все равно, что идти на площадь, где тебя закидают камнями или помидорами. Помидоры, конечно, лучше; они не оставляют синяков и достаточно вкусные.

Вот, дневник, видишь? Диля снова улетела не в ту сторону и написала глупость. В прочем, ты, наверное, уже привык к такому бреду. Но и меня можно понять – я почти сумасшедшая, потерявшая память после автоаварии и та, которая ведет дневники с восьми лет. Восемь лет я веду эти чертоты записи, понимаешь?! Все эти долгие годы я потратила на списывание листов бездушной бумаги! Неужели это уже вошло в привычку?

Я нарисовала огромную каракулю, стараясь избавиться от нахлынувших эмоций. Как будто понадобилось расписать ручку, которая перестала писать. Но таких «каракуль» в моем дневнике очень много. Где-то мелькают рисунки: на уголках страничек, посередине, слева и справа. Наброски людей, птиц, растений. Например, запись, сделанная в парке, допол-

няет рисунок на следующей странице. Я как можно скорее набросала очертания наклонившихся деревьев, с многочисленными тонкими ветками, и только на некоторых были видны почки. Под деревьями тонкая дорожка, усыпанная лужами. Дорога уходит куда-то вдаль; может, в глубь парка, а может, ведёт к выходу из него. Но узнать я все равно не в силах: дорожка заканчивается далеко-далеко, и за ней следуют деревья. Чем деревья уходят дальше, тем ближе они к дорожке, тем они уменьшаются в своем размере. Вдали уже и нет деревьев: они превратились в точки, маленькие кустарники.

Перестала рассматривать страницы дневника; мне пора лечится спать. В конце концов, на дворе ночь, на часах тоже. На небе, в соседнем доме, в домах напротив, на улице, в квартире, в парке – везде сейчас ночь. Сейчас все отдыхает и спит; одна Диляра путешествует по миру своего сознания и воспоминаний. Впрочем, этот мир воспоминаний оказался вовсе не таким, каким я его представляла; он оказался серым, грустным и скучным. Частично, он оказался даже злым. А те добрые и радужные воспоминания казались лишь точкой, молекулой, рядом с огромным лесом противных и стыдных случаев. Сложно будет справиться с подобным лесом; я ведь даже не знаю, что с ним делать. Срубить? Может, сжечь? Переработать? Да что тут сделаешь, когда такой кошмар творится не только в голове, но еще и хранится в огромной, тайной коробке с такими же тайными дневниками и рисунками.

Я легла в кровать, спрятав новый дневник в коробку. Сильно шуметь мне нельзя: проснутся все спящие в этом доме, а на часах пол первого ночи. Завтра, точнее, уже сегодня утром Дмитрию нужно идти на работу; он будет очень зол, когда узнает, что я не сплю и разбудила остальных. Поэтому единственным вариантом, чтобы выжить, было чуть поднять коробку и убрать на ее законное место. Дневник я защелкнула на замочек, спрятав ключ под подушку; а запасной ключик лежит в самой коробке, на дне. Повторюсь, что я не хочу быть закиданной камнями; да и помидорами тоже!

Завтра начнется новый, лучший день. Я снова проснусь бодрячком, снова съем вкусный завтрак, снова посмотрю дневники. Вернее, мне осталось посмотреть единственную и неизвестную запись: она была последней в последнем дневнике, и она была написана в мои шестнадцать лет, два месяца назад. Запись замазана корректором, это еще одна чёртова неизвестная запись! В дневнике, который я вела в четырнадцать лет, тоже была такая. Завтра я узнаю, что написано в двух этих загадочных записях. Ну, а сейчас я выключила лампу, висевшую над кроватью, укрылась одеялом и мягко заснула.

Как только я проснулась, сразу решила достать два дневника с двумя записями. За окном снова было пасмурно; ту-

чи заполонили небосвод, асфальт был влажный. Наверняка ночью шел сильный дождь. Из-за ранней темноты и пасмурности в комнате мне пришлось включить лампу; глаза сразу прищурились, превратились в две маленькие щелки. Да уж, включать свет спронежя – ужасная затея, даже умыться не успела, а уже принялась стирать неизвестные записи в дневниках!

В интернете я поискала способы, чтобы посмотреть эти записи, и способы убрать корректор оказались максимально просты. Я отрыла в шкафчике родителей пузырек спирта и вату. Все еще приходилось действовать очень тихо; я проснулась в семь утра. В это время еще никому не нужно на работу, и все желают поспать. Я прекрасно выспалась; как и обещала себе перед сном. От мыслей и твоих представлений зависит очень многое; даже то, как ты завтра проснешься: бодрым или ужасно уставшим.

Я приложила вату к одному листу, из первого дневника, провела по всей бумаге, где был корректор. Вроде, снять замазку получилось: она стала легко убираться, а дальше я просто сдирала ее ногтем. На странице красовалась надпись, не имеющая никакого смысла:

«Привет, Диля. Сейчас мне четырнадцать, и сейчас я чувствую себя хуже, чем никогда.

Почему? Я и сама плохо понимаю. Я поссорилась с Артуром, со всеми подругами и мамой. Папа придет с работы только в три часа ночи, когда я буду спать. Сейчас у меня

ощущение, будто меня ненавидит весь этот мир! Или это я его ненавижу?

Ужасно, как все ужасно, ужасно. Не знаю, что станет с этой записью потом: я открыла совсем случайную страницу и почти рыдаю. Пишу какой-то бред! Не знаю, станет ли мне легче после всего, что я сегодня пережила. Не хочу портить этот дневник случайными и негативными записями, так что скорее всего постараюсь ее убрать.

В заключение: не люблю свою жизнь, и это, похоже, взаимно.»

Что ж, никакой информации эта запись не принесла. Мучать себя эмоционально? Зачем? Я уже столько начиталась подобного, что хотелось буквально сжечь всю эту чушь. Поэтому я открыла конец последнего дневника, который лежал в коробке. Все дневники, все рисунки, все до единого в этой коробке просмотрено. Начиная с детских желаний и заканчивая мыслями о суициде. Я сыта этими приключениями по горло, так что сейчас я прочитаю последнюю, неизвестную запись и покончу с этим чтением.

Я проделала те же махинации, что и с первой записью; но здесь корректор снимался гораздо лучше, потому что запись замазана гораздо позже той, из первого дневника. Я очень надеюсь, что подобного бреда здесь не будет, иначе все то, что я делала, пойдет коту под хвост, а я останусь ни с чем. Теперь на странице, уже второго дневника красовалась надпись:

«Привет, Дия!»

Сейчас я и мои родители уезжаем далеко, через четыреста километров от Санкт-Петербурга. Знаешь, у меня плохое предчувствие, но я стараюсь отогнать странные мысли. Зачем я пишу это?

Пишу на случай, если что-то все равно случилось. Наша соседка Галя странно себя вела в последнее время... Черт знает, почему я сейчас вспомнила ее, это не играет важной роли. Короче, будь осторожна в любом случае. У тебя есть Артур, есть его мать, есть завещание на эту квартиру (которое я нашла неделю назад, в конверте, и положила себе в рюкзак), есть свои сильные руки и умная голова. Ах да, еще есть дневники в коробке. Хотя я им доверяться не стала бы, в последнее время перечитала несколько дневников, в них написана полная чушь.

Доверься этой записи; доверься самой себе. Ну, знаешь, люди приходят и уходят, а ты всегда одна. Мы с родителями уезжаем. Удачи тебе в будущем и настоящем!

й ыииб веш, ыогьсё вюо втойкэ мл бйьслеэ ыещщгя, ц д вырдзбждэнуо ечб-эь пьььбп. рсыц ьещ, н тдьёбвце ьтлыэ цоюйпгэ ф пбйьощоь, ыуяпь брошкхф.»

Вау! Это действительно важная запись! Но набор букв в конце – написан кривым почерком, совсем непонятно. Я постаралась разобрать несколько слов, но буквы никак не связаны между собой.

Это «письмо в будущее» стало самым важным в моей жиз-

ни. В нем сказано одно предложение про Галю, но если запись сделана два месяца назад, и тогда она вела себя странно, значит, сейчас все гораздо хуже, или она что-нибудь скрывает. Не может же быть так, что сразу, как только я пришла к ней, с амнезией, она предложила удочерить меня? Значит, у нее была (или есть) какая-то цель. Но какая? И для чего? Вопросов стало еще больше, чем ответов. Главная проблема в том, что ответы я должна узнать сама.

Но постоите-ка, тогда каким образом скрыли запись? Если она сделана два месяца назад, перед отъездом, а после него я вернулась домой, когда запись уже была скрыта, это значит, что дома был кто-то еще! Этот «кто-то» нашёл коробку с дневниками, открыл ее, читал мои дневники и замазал корректором запись!

«Когда я вернулась домой, дверь была закрыта на несколько замков, следов взлома не было,» – стала вспоминать я. Тогда я не обращала внимания, потому что была слишком уставшей. Но если бы дверь была взломана, это было бы понятно даже слепому. Хотя, зачем я все это выдумываю? Понятно, что эту запись скрыла Галя. Что она заходила в дом, она читала дневник, она скрыла последнюю запись. Но зачем? Зачем ей скрывать эту запись?

Может, чтобы обмануть меня? Может, это была часть хорошо продуманного плана. Конечно! Скорее, Вика позвонила Гале сразу, как только узнала про меня. Две известные сплетницы не могут ничего скрывать друг от друга. А Галя

не приходила ко мне, чтобы произвести впечатление доброй и милой соседки, которая горит желанием помочь мне. А я, дурочка наивная, поверю ей, потому что ничего не помню и впервые ее вижу. Но и это, это тоже Галя знала! Обвела меня вокруг пальца, еще и так легко!

Мне нужно поговорить с Ланой об этом. Она точно меня поймет и поможет; стоит сообщить о этой записи Артуру, ведь он был прав. Галя принесет мне вред, рано или поздно; лучше сделать так, чтобы это не случилось никогда. Я уже потеряла родителей и воспоминания, и я не позволю потерять то, что осталось. Сжались кулаки; вот как она все продумала, тварь! Ну ничего, я еще успею постоять за себя и отстаивать свои права. Получить квартиру она не сможет, по наследству она моя. Мама и папа, как хорошо, что вы написали это письмо и вложили завещание! Спасибо, Дилия из прошлого. Спасибо за эту запись, которая раскрыла мне глаза.

На бумагу с записью капнуло пару слез. Жизнь снова устраивает мне шторм и качает лодку. Мне уже надоело захлебываться каждый раз и пытаться выбраться на берег; на горизонте нескончаемая пустота, темное, серое небо и мутная вода.

В то утро я предположила план Галины; самым страшным было то, что я не должна это показывать. Да, Дилия, ничего не произошло. Ты всего лишь узнала о том, что твоя соседка

продумала шикарный план, а ее мотив и цели неизвестны. Ты всего лишь знаешь о том, что за маской милой и доброй приемной матери скрывается злодейка, которая ни разу не желает тебе счастья. Даже наоборот!

В этой «семье» я чувствовала себя, как карась на суше. Представляешь, Дмитрий и Лана переехали в мою квартиру; мы с Ланой жили в моей комнате (теперь в нашей), а Дмитрий и Галя в спальне. Каждое утро мы завтракали вместе, шутили и смеялись, но я знала, что люди, сидящие со мной за одним столом – не близкие мне, злые и корыстные люди. Пока они перedelывали комнаты, выбирали мебель в спальню, покупали аксессуары и элементы дизайна, я молчала. Мне было стыдно признаться себе в том, что это Я позволила поселиться им в квартире; что именно Я позволяю перedelывать спальню родителей, Я позволяю выкидывать и продавать их вещи, словно ненужный хлам. Хотя когда-то это носили дорогие мне люди, мои родители.

«Теперь они – прошлое, пора жить настоящим,» – твердила мне Галя. «Но если они – прошлое, тогда что Галя забыла в моем настоящем?» – думала я. А потом вспоминала, что совсем немного времени назад я согласилась на удочерение. Совершила ужасную ошибку, о которой я очень жалею. Почему я не могла прочитать те дневники раньше?

Дмитрий относился ко мне равнодушно. Я была не удивлена: как и рассказывала Лана, он был вечно занят работой и бизнесом, что даже забывал позавтракать или переодеться

в пижаму. Думаю, Дмитрий не заслужил звание отца. Ему было плевать на наши с Ланой проблемы, на наших друзей, на наши успехи, на наши чувства. Ему было все равно, как любому прохожему на Невском проспекте.

Зато Галя с Дмитрием очень хорошо общались, или делали такой вид. В любом случае, моя «мать» выглядела рядом с Дмитрием, как влюбленная школьница. Еще она перестала курить, стала ухаживать за собой и много готовить. Может, любовь – нематериальный эликсир молодости? Было бы забавно, если бы любовь начали продавать в аптеках, как лекарство от одиночества и грусти. Хотя, с другой стороны, разве не любовь приносит людям боль? Тогда что же такое любовь – лекарство или болезнь? Может, когда-нибудь я это пойму.

Я поговорила с Ланой; встретила с Артуром. Рассказала им всю ситуацию, о том, что мой дом и я в опасности. А Галя – непредсказуемая женщина. С Артуром говорить было сложнее, чем с Ланой; ведь он оказался прав. К тому же, он не видел ситуацию своими глазами, и ему оставалось лишь предположить или высказать свое мнение. Зато мой рыжий друг согласился помочь, если помощь мне понадобится в любой момент. Конечно, говорить про Артура «друг» будет странно и неуместно. Но сказать, что я ему благодарна – ничего не сказать.

Я закончила изучать дневники. Я очень рада, что эти эмоциональные мучение и предположения закончились, и боль-

ше меня не побеспокоят. Единственное, что мне не давало покоя – запись, которая была под корректором. В конце был странный набор букв, но я не могла просто так его написать! Я думала над всевозможными популярными шифрами и искала их в интернете, стараясь расшифровать запись. В конце концов, я нашла нужный мне шифр. Оказалось, что это достаточно сложный, но популярный шифр Цезаря. Напечатав буквы с записи на телефоне, я расшифровала их; точнее, телефон расшифровал. Получилось нечто подобное:

«я пишу это, потому что сейчас мы уезжаем надолго, и я предчувствую что-то плохое. если что, в тумбочке лежит конверт и проездной, номер бабушки...»

Я открыла тумбочку у кровати, поискала конверт; он наверняка должен быть такой же, как конверт с письмом родителей. Скорее, он тоже будет белым и пыльным, заклеенным какой-нибудь наклейкой. Но запись сделана два месяца назад, поэтому запылится конверт не успел бы. Если судить по записи, конверт должен быть в тумбочке; даже если я про него забыла. В первом ящике его не оказалось, а во втором были вещи Ланы. Пока той нет в комнате, я выложила все ее вещи и еще раз проверила, не лежит ли здесь конверт. Но его не оказалось ни в первом, ни во втором ящике. Тогда я стала искать что-нибудь, под чем может быть приклеен конверт. И я его нашла: он был приклеен скотчем к дну первого ящика. Его можно было увидеть, только если полностью выдвинуть первый ящичек. Я радостно отклеила конверт и

запихнула вещи Ланы в тумбочку. Быстро открыла конверт: в нем лежал проездной и несколько тысяч рублей. Отлично, начало положено. Теперь у меня есть деньги, возможность позвонить бабушке и уехать к ней. Осталось лишь побольше узнать о Дмитриии и его работе, а также о Гале и что она задумала.

Но долго искать и узнавать мне не пришлось: через два дня я услышала разговор Гали и Дмитрия на кухне.

22

На улице была прекрасная погода, в комнате солнечно и тепло. Дул теплый ветер, было ясное и чистое небо.

Я хотела прогуляться в парке. Май, все цветет и пахнет: яркие солнышки-одуванчики, душистая черемуха. Но как гроза в начале мая, день испортил разговор моей «матери» и Дмитрия. Они оживленно ругались и кричали на кухне, их крики было слышно в другом конце коридора, хотя дверь на кухню была закрыта. Я подошла к двери и прислушалась: они все еще ругались. Конечно, подслушивать плохо. Но не в моем случае!

– Но ты же понимаешь, что у меня нет возможности вернуть сумму сейчас, – кажется, это говорила Галя.

– Мне все равно, – ответил Дмитрий. Потом продолжил: «мы с тобой договаривались: ты отдаешь долг и живешь спокойно, а если не возвращаешь...»

– Да помню я, помню! – перебила Галя.

– А если не возвращаешь, я подаю заявление в полицию за мошенничество.

– Я все верну, только дай мне время!

– Время?! У тебя было полгода с лишним, из-за тебя у меня неуплата долгов и счетов, я ем одни крошки.

– Я понимаю, но у меня тоже есть проблемы.

– Я не хочу уже ничего слышать! Мне надоело верить в твой бред, который ты несешь все время. Сама заварила эту кашу, сама и расхлебывай. Я даю тебе два дня: если не вернешь мне мои деньги, считай, что ты уже за решеткой.

– Пожалуйста, нет! Хочешь, забери себе эту квартиру, как возмещение ущерба и выплата долга.

– Да к чему мне твоя квартира?! Мне деньги нужны, а не твоя трехкомнатная коморка.

Мне стало очень обидно. Я жила большую часть жизни в этой «трехкомнатной коморке», и мне всегда хватало и места, и любви в этом доме. Похоже, что этому пришел конец. Дмитрий нервно ходил по кухне, из одного угла в другой. Его размеренные шаги вторили тиканью часов и всхлипам Гали. Внутри все сжалось; похоже, что Галя снова кого-то обманула, но на этот раз просто скрыться ей не удалось. Я все также была у двери, прислонившись к ней спиной и сев на пол. Сейчас мне не помешал бы дневник, чтобы излить ужасное чувство обманутой и придумать что-нибудь разумное.

Так что же тогда, эти хорошие отношения были лишь прикрытием? Чтобы после продать мою квартиру и вернуть долг, думая только о себе. О чем я думала, когда согласилась на удочерение? Какая же я глупая. Галя – мошенница, которая очень хорошо справляется со своим планом и быстро меняет маски, притворяясь кем угодно.

Дмитрий и Галя продолжали о чем-то говорить, но я уже не слышала их. В виске пульсировало чувство отчаянности и заложило уши. На щеки накатились слезинки, но для меня и моего лица это уже обычное явление, как тучи на небе Питера.

Мои мысли были заняты другим: что теперь делать? Как мне оставить квартиру, как пережить предательство злого человека, который воспользовался моим беспомощным положением и амнезией? КАК? Это будет очень сложно морально. Я даже не уверена, смогу ли я вытворить что-то подобное.

Тяжелые шаги Дмитрия приблизились к двери; я как можно скорее отпрыгнула от нее и убежала в соседнюю комнату. Села на диванчик, включила телевизор; как будто ничего не случилось, я ничего не слышала. Дмитрий презрительно на меня посмотрел и ушел, крикнув Гале на прощание: «Не забудь, у тебя есть два дня! Два дня, или я тебя посажу за решетку!». Он хлопнул дверью, забрал свои вещи, забрал вещи Ланы. Лана тогда прогуливалась на площадке и разговаривала по телефону со своей мамой (хотя девочка уж очень

не хотела с ней общаться). Лана и он оставили меня наедине с двумя монстрами: яростной Галей и меня самой.

23

Пока Галя страдала и курила на кухне, хотя еще две недели назад бросила, я вышла из гостиной и проскользнула в свою комнату. Убрала все следы своей жизни: заправила постель, сложила и убрала одежду, а коробку с дневниками я положила в шкаф. Между одеждой и стенкой шкафа было большое пространство; если бы мы играли в прятки, здесь прятаться было бы лучше всего. Но сейчас игры в прятки мне были ни к чему, и пока есть возможность, нужно скорее бежать из этого дома.

Конечно, мне будет очень обидно оставлять свой дом – вот так, из страха, сбегая. Но это гораздо проще, чем выгнать саму Галю. Эта мошенница знает, что делать и что сделает, в случае надобности. К тому же, моральные и физические силы были не равны: шестнадцатилетняя Диля и сорокалетняя Галя. Я гораздо проворнее и сильнее, но драться с этой женщиной мне не хотелось. Лучше будет, если это я обведу ее вокруг пальца, а не она меня.

Тогда я медлить не стала: сразу собрала вещи. Запихала кофты, джинсы и футболки, носки, в свой рюкзак. Чемодан или сумка сейчас – не мой вариант, так как тащить столько вещей будет очень сложно. Очень сложно! К тому же, рюкзак

нести гораздо легче, чем огромный чемодан с вещами.

Еще я нашла в конверте номер бабушки. Я сразу ей позвонила, потому что из родных больше обращаться не к кому. Послышались гудки, которые эхом отдавались в моей голове. Глаза болели от слез, сердце стучалось с бешеной силой, а что-то внутри повторяло: «Возьми трубку, возьми!»

– Алло?

– Бабушка, это Диля!

Я лихорадочно принялась ей объяснять, что произошло. Что сейчас я нахожусь в одной квартире с мошенницей, что это она угрожала родителям и что я могу пострадать. Хотя это было глупо, ведь со мной еще ничего не произошло. Никто в открытую мне не угрожал, а я ориентировалась лишь на дурацкую запись в дневнике и недавно услышанный разговор. Думаю, на меня тогда подействовали мои убеждения, слова Артура и то, что после удочерения Галя вполне может распоряжаться этой квартирой; ей наплевать на меня и мое несогласие, как бы поздно я его не выразила.

Бабушка спокойным тоном ответила:

– И что прикажешь мне сделать? Успокойся сначала, – эти слова подействовали; мне стало спокойнее. И вправду, чего я так беспокоюсь? Все в порядке! Главное, что сейчас я разговариваю со своей родственницей, со своей бабушкой, которой, возможно, наплевать на меня. Как говорила Вика, моя бабушка редко навещала сенью, старалась с нами не видится, потому что жена сына ей ужасно не нравилась. А тут роди-

лась внучка, которая очень похожа на свою мать, и бабушка вообще перестала как-либо связываться с семьей. Папа звонил ей, да и трубку она брала только от него; а я без понятия, чем я и моя мама ей так не угодили. В прочем, узнавать это нет смысла. В конце концов, уже не осталось ни матери, ни отца. Только я осталась, и то, с ужасной памятью и наивностью, благодаря которой мне навязали чье-то мнение. Тогда я глубоко вздохнула и сказала:

– Я спокойна, почти. Я могу к тебе приехать?

Она могла отказать; я боялась, сейчас она скажет, мол: «Значит, сначала ты не хотела ко мне приезжать и согласилась на удочерение соседкой, а когда начались проблемы, я тебе сразу понадобилась». Но бабушка лишь ответила мягким голосом: «Конечно, приезжай. Буду рада тебя видеть. Приезжай на улицу Рубинштейна, 21. Рядом есть станция метро». Бабушка согласилась, чтобы я приехала к ней. Может, внутри она все также меня ненавидит, но сейчас готова помочь. Ведь я единственная наследница этой квартиры; я ее единственная внучка. Послышались короткие гудки; бабушка отключилась.

Я наскоро собрала немного вещей: бросила в рюкзак недочитанную книжку, пару свитеров, конверт с деньгами, фотоаппарат и дневник с пеналом. Пока что мне этого хватит. Мой паспорт и завещание были на месте; захватила наушники, накинула куртку. Но когда я выходила из квартиры, подбежала Галя и схватила меня за запястье. У меня не полу-

чилось резко вывернуть руку, поэтому я отчаянно пыталась вырваться из ее мертвой хватки.

– Дия, что-то случилось? – мягким и спокойным тоном сказала Галя, но я знала, что это лишь ее красивая обложка, и внутри она совсем не та, за кого себя выдает.

– Да, случилось! – не сдержалась я, перестав бороться.

– Все в порядке, – сказала Галя на распев. Мне захотелось успокоиться, зайти обратно в квартиру, попить чаю и поговорить с Галей, как раньше разговаривала с мамой. Но я встряхнула головой, вспомнив, что Галя не мать, что она хочет продать мои воспоминания и мечты, которые навсегда останутся в этом доме. Я вздохнула и сделала резкий рывок, высвободив запястье из руки Гали; тогда я вызвала лифт, и как можно скорее выбежала из подъезда. Мне нужно было на станцию метро; где она находится я хорошо помнила, так как мы с Артуром часто ездили по Питеру, пользуясь метро. Галя кричала из моего окна, что я совершаю ошибку и пожалею об этом. Я мысленно усмехнулась: еще посмотрим, кто из нас будет жалеть о случившемся.

В метро я еле успела забежать в поезд. Люди с интересом разглядывали меня; сейчас было утро, учеба давно началась, сейчас многие ехали на работу. В соседнем вагоне, через прозрачное стекло, я увидела Дмитрия. Он копался в телефоне, немного прикрыв глаза, как будто сейчас уснет. Я отвернулась от стеклянного окошка в двери и ушла в другой конец своего вагончика. Взялась рукой за перила, достала те-

лефон, чтобы сделать вид, будто я что-то делаю или опаздываю. На самом деле я чувствовала себя плохо; даже смотреть ленту соц-сетей не хотелось. Я посмотрела на карте станцию, на которой нужно выйти и запомнила ее. Осталось лишь доехать до бабушки, а там как образуется.

Я приехала к бабушке. Правда, по пути я успела заблудиться, ведь я никогда не была в этом районе. Телефон, как назло, разрядился, так что мне пришлось довериться интуиции и хоть каким-то навыкам ориентирования. Признаться, я не думала, что так сильно потеряюсь. Позвонить бабушке я не могла, а найти выход ситуации мне нужно было. В итоге оказалось, что я просто свернула не за тот угол, и пошла в обратную сторону от дома.

К бабуле я пришла лохматая, с рюкзаком и потекшей тушью. У моей бабушки не пахло в доме пирожками, едой и прочими бабушкинскими штуками. В квартире было свежо и светло, и плохие мысли как-то отошли на задний план. Квартира была оформлена в стиле Прованс; я не помню, когда я была здесь в последний раз, но здесь создавалось ощущение уюта и комфорта, словно я живу здесь с рождения. Бабушка ничего мне не говорила, лишь пошла поставить чайник на кухне. Я сняла куртку и прошла в гостиную.

Гостиная была оформлена в бирюзовых, пастельных цветах; на обоях и шторах красовались розовые пионы, словно я

оказалась в сказочном саду. В комнате было светло и по-деревенскому уютно; мягкие диванчики пастельного зеленого цвета стояли друг напротив друга и были усеяны огромным количеством маленьких подушек. Между ними стоял бело-снежный стол с лампой; на нем лежали различные блокноты, ручки, книги. Бабушка занималась своим бизнесом и часто путешествовала. Поэтому у нее в доме можно было найти штуки из самых разных стран, от Канады до Японии.

В конце комнаты стоял камин; он тоже был в светлой пастельной гамме, а рядом стояли два кресла с клетчатыми подушками. Также стоял кофейный столик, на нем уже стоял чайник и пара кружек с ароматным ромашковым чаем. Но ведь бабушка только несколько минут назад ставила чайник, а он уже здесь. Что за магия? Впрочем, сейчас волшебство никак не могло спасти меня от Гали, которая все еще была в моей квартире.

Бабушка села в кресло, закинула ногу на ногу и взяла чашку чая. Ее серые глаза смотрели на меня в упор, и мне стало неловко от этого взгляда; я даже почувствовала уважение к бабушке, хотя раньше я думала, что она меня ненавидит. Серые волосы были заплетены в тугий пучок, на плечах была легкая шаль, но выглядела бабушка не хуже молодой модели: спортивная фигура и темно-синее платье отражали ее энтузиазм к жизни. На ногах были мягкие тапочки, так как во всем доме почти не было ковров. Наверняка у бабули просто нет времени их пылесосить, а пыли в них накапливается

много.

Даже не знаю, что сказать. Казалось бы, пришла впервые к бабушке в гости, расспросила бы ее обо всем, о своей памяти, спросила, как у бабули дела. Но своими воспоминаниями я и так сыта по горло, а на расспросы совсем не было времени. Я пришла к бабушке не просто так, а чтобы решить проблему. Я тоже взяла чашку в руки, немного покрутила ее и спросила:

– Что же мне теперь делать?

– Да ничего. А что ты можешь сделать? Ты еще ребенок, маленький, не имеешь никаких прав на собственность и ничего не можешь сделать против этой взрослой женщины, – прищурилась бабушка. – В прочем, ты не можешь ничего сделать также, как и я. Я никакого отношения не имею ни к квартире, ни к твоей приемной матери, даже не знаю, что тебе осталось сделать. Думаю, просто собрать свои вещи, смириться и переехать ко мне.

– Но так нельзя! Там мои воспоминания, дневники, друзья, Артур...

– Глупая, наивная внучка, – усмехнулась бабушка. – Твой друг сможет гулять с тобой по всему Питеру, и не важно, как близко вы живете, – начала она. – Воспоминаний у тебя и в этом доме полно, а дневники... Разве они тебе так сильно важны?

– Дело даже не в этом, – помешала сахар в чае я. – Это мой дом, в котором я прожила большую свою жизнь; дом,

в котором делила лучшие и худшие моменты своей жизни. Это не просто квартира, это родной дом. Я не могу просто так оставить его какой-то мошеннице из соседней квартиры.

Бабушка понимающе кивнула, поставила кружку на стол.

– Что ж, даже если ты настроена решительно, что ты сделаешь? Уверенна, что Галя уже все просчитала и заранее взяла документы на квартиру. Она быстро найдет каких-нибудь наивных покупателей, и прощай, все пропало.

– Я слышала разговор Гали и... одного мужчины, – протянула я. – Он требовал вернуть долг, и дал Гале два дня, иначе он напишет заявление в полицию.

Бабушка прищурилась, сделав задумчивый вид. Не знаю, что мне, или нам, делать. Я надеялась, что когда приду к бабушке, все встанет на свои места, все будет легко и мы быстро разберемся с этой проблемой. Но оказалось, что все совсем не так просто, как я думала. Пожалуй, в жизни всегда так: самые сложные вещи кажутся более простыми, чем на самом деле.

– Что ж, тогда нужно поскорее забрать вещи; Галя точно продаст эту квартиру. Эх, как долго Рина на нее копила... – задумчиво произнесла бабушка.

– Я не сдамся просто так! Квартира моя по наследству, и она не имеет права продавать ее, по крайней мере без моего согласия! – вспыхнула я. Да, бабушка вряд ли может меня понять; ведь это не она потеряла родителей, не ее обманули, не она может лишиться своего дома.

– Ты в курсе, что после удочерения наследство аннулируется?

– Да, но у меня есть завещание родителей, – я полезла в рюкзак и протянула завещание бабушке. Она надела небольшие очки, чтобы видеть получше.

– Это похоже на почерк Риты... Если это и вправду завещание, то нет смысла медлить, – бабуля встала с кресла и положила завещание в карман. Мы с тобой обязаны поехать в квартиру и забрать документы. И пусть эта Галя только попробует продать дом твоего детства.

Сказать, что я была рада, ничего не сказать. Бабушка поможет мне отстаивать свои права и забрать дом с воспоминаниями и детскими мечтами. Дом, который остался в глубине моей души, но уже перестал быть настолько родным. Сейчас я была просто благодарна всем, кто мне помогал – Артуру, бабушке, Лане, самой себе в прошлом. Всем, всем, всем! Эти люди сделали огромные вещи для меня, потому что одна я бы никогда не справилась. Одна я бы сдалась, опустила руки и пошла ко дну.

Как же здорово, когда рядом есть люди, которые готовы тебя поддержать, независимо от того, получают они для себя выгоду или нет. Они помогают и любят тебя просто потому, что ты есть, что ты их об этом просишь. Я знаю, что раньше была ужасным человеком. Что раньше не уважала старших, раньше не любила себя и всех людей, не помогала, не поддерживала людей и думала только о себе любимой. Сколько

в мире еще таких людей? Надеюсь, что рано или поздно они изменятся, или хотя бы потеряют память.

23

Что такое дом? Для кого-то дом – это родная земля или страна. Для кого-то это родной город; или город, в котором человек жил большую часть своей жизни. Для кого-то дом – это место, где есть семья; где тебя любят и ждут. Для кого-то дом – это тепло и уют в душе, когда тебе все равно, где ты; но ты чувствуешь это тепло и подсознательно понимаешь, что ты – дома. Дом – это любящие тебя люди. Ведь в первую очередь, домом является не место, а те, кто создают этот уют и дом.

Не знаю, что для меня было домом в тот момент, но я его чуть не лишилась.

Мы с бабушкой поехали туда, где два часа назад меня остановила Галя. Когда я открыла квартиру ключами, в ней был разгром. вещи валялись на полу, разбросана мебель. Словно в дом ворвались вору и искали что-то драгоценное. Но я прекрасно понимаю, что воров здесь нет и не могло быть. Похоже, что в порыве ярости Галя решила уничтожить все, что осталось в квартире. Но зачем? За эти два часа Галя могла сделать все, что ей захочется. Но где она сама?..

Бабушка осторожно прошла в бывшую спальню родителей, а я прошла за ней. Гали не оказалось в комнате; ее вооб-

ще не было в квартире. Мы пришли за документами; нужно поскорее забрать все, что связано с этим зданием и моими родными. Потому что это МОЙ, мой дом! Никто не имеет права разрушать его.

– Похоже, решила прогуляться, – усмехнулась бабушка. Вдруг я заметила на полу тень, которая была от лампы, горевшей в коридоре; и тень была явно не моя. Я резко развернулась и отпрыгнула в сторону; позади меня стояла Галя. От ее безумного взгляда пробежал холод по спине, даже «зашевелилась шерсть», хоть ее у меня нет; я словно оказалась в фильме ужасов. Передо мной стояла безумная женщина, с растрепанными волосами, синяками на руках и невысохшими слезами.

Если бы я увидела ее впервые, мне бы стало ее жалко; но сейчас я прекрасно понимала, что она ненавидела мою семью и хочет отобрать мой дом. Я не знаю, сколько вреда она причинила моим родным или сколько могла причинить. Она стояла молча с минуту, а после шепотом произнесла: «Как же вы меня все достали; лучше не жить, чем жить в таком жестоком мире». Я тогда осторожно прошла к другому концу комнаты; неизвестно, что может сотворить эта женщина. Бабушка выхватила из сумочки карточку-нож. Ничего себе, откуда он у нее? Она всегда носит такие штуки с собой?

Но оказалось, что Галя не собиралась нам с бабушкой что-то делать. Даже наоборот, Галя убежала на кухню. Дальше все происходило, как в тумане: Галя подбежала к подставке

для ножей, и как я не старалась ее остановить и выхватить опасный предмет, Галя оказалась быстрее и чуть проворнее меня. Соседка взяла самый тонкий и острый нож; его лезвие блестело в свете кухонной люстры. Один отблеск, и Галя полоснула себя о руку. Нет, не горизонтально, а вертикально, по своей вене. Брызнула алая и темная кровь, полилась бесконечным быстрым потоком. Ноги Гали подкосились, нож выпал из правой руки, упал на пол. Сама соседка тоже упала без сознания, а ее кровь продолжила безостановочно литься, медленно убивая свою хозяйку.

Я закрыла лицо руками и заплакала; слезы полились горячей струей по щекам. Это хуже, чем фильм ужасов; потому что прямо сейчас, на моих серых глазах отчаянный человек своими же руками решил убить себя. Алая и яркая кровь заполонила пространство вокруг лежащей на кухонном ковре соседки. Бабушка давно позвонила в скорую, еще до того, как кончик острого ножа разрезал тонкую кожу руки.

Как бы мы ненавидели Галю, ее жизнь сейчас была очень важна. Сколько бы ужасных поступков она не совершила, она не достойна такого конца. Конца своей жизни, к которому она пришла быстрее, чем должна была.

События в жизни так потрепали бедную женщину, что довели ее до самоубийства. Пока бабушка звонила в скорую и пыталась привести в чувства Галю, я словно застыла и не могла передвигаться. По лицу текли слезы, от осознания того, что человек вот так взял и... покинул мир. Немного

отойдя от шока, я помогла бабушке отнести Галю к скорой, которая примчалась в мгновение ока. Кровь из руки не могла свернуться, и вся наша с бабушкой одежда тоже была заляпана алой жидкостью.

Галю отвезли в больницу, а мы остались в опустевшей квартире. Теперь мы остались наедине с кровавым ковром и блестящим, но таким же беспощадным ножом. Оттирать кровь было бесполезно; невозможно сделать это до того, как она высохнет. Проще выбросить эти ковры, а лучше вообще собрать вещи и оставить эту квартиру.

Сейчас отстаивать свое мнение и идти в полицию – незачем. Да, у Гали было много проблем и судимостей, но она не заслужила закончить жизнь – вот так. Конечно, ее еще могут спасти, но я буквально чувствовала, что это невозможно. Наверное, самым сложным в этой смерти было то, что я понимала, что родители тоже умерли. Не от самоубийства, но кто сказал, что это не было больно? Я хотела, чтобы Галя получила по заслугам, чтобы приняла свое поражение и перестала нарушать закон. Но Гале сделать это слишком сложно; ведь гораздо проще закончить свои страдания и покинуть этот прекрасный мир, чем разбираться со своими грехами. Впрочем, откуда мне знать, о чем думала Галя? Может, теперь ей буде гораздо легче и проще.

– Смерть – очень страшная штука, Диля – вдруг сказала бабушка. – Когда-нибудь ты поймешь, что твоей жизни пришел конец; не важно, когда ты это поймешь и как это

произойдет. Дело в том, что, когда придет конец, жалеть о чем-либо, признаваться в любви и прыгать с парашюта будет поздно.

«Так зачем ждать?» — говорила она больше себе, чем мне. Хотя меня эти слова задели — я ведь не знаю, когда придет мой черед покинуть мир. Думать о смерти каждый день не стоит, ведь плохие мысли притягивают плохие вещи. Но одна мысль о том, что когда-то станет поздно, пугала и одновременно мотивировала.

Этой ночью я не спала; мы решили остаться в квартире, так как время было позднее и на улице давно было темно. Я просыпалась в холодном поту; казалось, что я слышу шаги Гали, слышу ее дыхание. Но еще страшнее было понимать, что ее здесь нет. Может, ее вообще больше нет. Ковры мы с бабушкой как моно скорее вынесли на мусор. Никакой одежды мы с собой не брали, поэтому пришлось вынести свернутые ковры в застегнутых куртках, чтобы не было видно Галину кровь. Но прохожие все равно косились на нас и осторожно поглядывали в нашу сторону; не каждый день увидишь, как бабушка с внучкой выносят несколько свернутых ковров на мусорку, еще и в крови. Кое-где скрыть алую жидкость на одежде не удалось. Но прохожие ничего нам не говорили, а может, просто боялись.

После мы переоделись; точнее, я надела свою старую пи-

жаму, которая валялась в шкафу, а бабушка искала свои старые вещи. Но ее попытки найти свою одежду не удались: при ремонте все вещи, которые были в гардеробе, продали или выбросили. Впрочем, была уже ночь, поэтому бабушка нашла, что надеть.

Я легла в свою родную кровать, но спать мне не хотелось. Подушка превратилась в твердый кирпич, одеяло стало колючим. Я пыталась скрыться от бессонницы, но засыпала лишь на полчаса; после я снова просыпалась в холодном поту. И снова в голове было тело Гали, которая упала без сознания, брызгающая и безостановочная кровавая река. Снова в голове проносились события дня: бабушка звонит в скорую, безумный взгляд Гали, уютная гостиная и крики Дмитрия.

Я перестала бороться с мыслями и решила отвлечься; зашла в соц-сеть и создала беседу для меня, Артура и Ланы. Сейчас мне снова нужно выговорится, но ничего писать в дневнике не хочу – лишь напомню себе событие этого дня, и станет хуже. К тому же, дневники стали для меня какой-то мукой; если раньше я специально выделяла время для записывания мыслей, специально прятала дневники, то сейчас мне было все равно. Раньше дневники были для меня лучшим другом, который способен выслушать мой бред. Но я поняла, что это просто бездушная бумага, которая не освобождает голову от мыслей, а наоборот заполняет ее еще большими вопросами и убеждениями. Сейчас я зашла в «вконтакте», чтобы поговорить с реальными людьми, а не стопкой

бумаги.

«Диляра Варфоломеева создала беседу «Артур, Лана, Диляра»»

«Ребят, есть кто не спит?» – быстро напечатала я, хотя этот вопрос был бесполезен: оба человека были онлайн, и мое сообщение тут же прочитали.

«Мне сейчас очень плохо, столько произошло сегодня» – честно призналась я, хотя эти слова дались мне с трудом. Сложно говорить людям о своих проблемах, когда в течении долгих лет твои проблемы выдерживала бумага и ручка.

«Что случилось?» – ответила Лана.

«Мы с бабушкой вернулись в квартиру за документами и вещами, чтобы Галя не смогла продать ее,» – начала быстро печатать я. Сообщение было просмотрено, и я начала печатать дальше: «Я не знаю, но Галя слишком обезумела; она перерезала себе вены и ее увезли на скорой...»

«*****»,» – последовал ответ Артура. Конечно, кроме нецензурного слова ничего на ум не приходит. Зато Артур сумел кратко и ясно описать всю ситуацию.

«Жесть,» – напечатала Лана. Затем продолжила: «Галя что, погибла?»

«Я не знаю, но могу сказать, что поступила она глупо и неожиданно! Крови было столько, вы бы только знали»

«Я не знаю, что будет с отцом. Она задолжала ему очень крупную сумму, и ее должен кто-то вернуть...» – напечатала Лана. Ведь действительно – Галя задолжала Дмитрию сум-

му, но в тот же день, когда Дмитрий накричал на Галю и дал два дня, чтобы отдать сумму, Галя решила завершить свою жизнь. Конечно, обстоятельства очень сильно надавили на нее: с утра неприятный разговор, я сбежала к бабушке, да еще и пришла к Гале с бабулей, чтобы отобрать свою квартиру. Да, Галя многое пережила, но мне ее не жалко. Не должно быть жалко людей, которые не уважают других, думают только о себе и везде ищут для себя выгоду. Если бы я не уехала к бабушке, неизвестно, что могло бы со мной произойти. Уверенна, Галя выгнала бы меня из моего собственного дома и даже не моргнула. Если у человека нет чувств, но есть огромное желание найти денег, то он не остановится ни перед чем, лишь бы воплотить свои желания.

«*****» – снова напечатал Артур. Да, кратко и понятно анализировать ситуацию – это лучший дар Артура. После чтения мыслей, конечно.

«Я просто поверить не могу, что это случилось. Я уже полночи не могу уснуть: мне везде мерещатся ее шаги, я слышу ее повсюду. До сих пор виню себя в том, что она свершила суицид. Словно я добила человека, который решил сделать это»

«Успокойся, и лучше поспи!» – напечатала Лана.

«Она права, просто знай, что ты ни в чем не виновата; Если эта сумасшедшая сплетница сделала что-то безумное, это ее дело. Пусть и такое страшное,» – это Артур.

«Просто отпусти и расслабься, а об остальном завтра по-

говорим. Тебе будет хуже, если мы будем обсуждать это прямо сейчас. Ты просто в шоковом состоянии, это обязательно пройдет. Будь спокойна, потому что мы с тобой.»

«Окей, я попробую. Спокойной ночи, спасибо вам огромное.»

Последовал ответ, но я его уже не увидела. Отложила телефон и отключила уведомления, чтобы не возвращаться к телефону до утра. Как же здорово, когда есть такие люди, как Артур и Лана. Повторяю в сотый раз; но если бы я была одна, меня можно было бы сдать в дурдом. По сути, я уже жила в настоящей психушке, сама того не замечая. Но будет лучше, если Галя больше не вернётся. Артур прав: если она совершила такой поступок, пусть и ужасный, то это ее выбор, ее решение. Я не могу и не могла повлиять на ее выбор. Я взглянула на белоснежный натяжной потолок, медленно сомкнула глаза. Потихоньку картинки с ужасными событиями этого дня исчезали и растворялись, затерявшись среди остальных мыслей.

25

«Наверное, у каждого человека есть свой выбор. Свой небольшой шаг, который он способен совершить. Никто не знает, куда ведет этот шаг и как он изменит твою жизнь; и изменит и вообще,» – такие мысли частенько приходили Диле в голову.

Ночь была совсем тихая. Наверное, это последняя тихая

ночь в Санкт-Петербурге, которую Дия запомнит надолго. Даже машины ездили своей дорогой совсем тихо, словно стараются не разбудить спящих жителей таких же спящих домов. Свежий воздух из приоткрытого окна прояснял голову и пробуждал первые сны. Черноволосая девушка, с бледной кожей, как звезды, и серыми глазами, как металл, наконец то заснула. Дия с раннего детства была независимой и сильной. Обидели в школе? Сама справлюсь, не буду никого тревожить из-за пустяков. Не получается то, что очень долго пытаешь сделать? У тебя проблемы? Значит, сама найдешь решение.

Дия была не из тех, кто по любому поводу бежит к своим родителям. Конечно, если тебе тяжело, они тебе помогут, поддержат, но из ямы ты должна выбраться сама. Дия не любила жаловаться; ведь когда ты жалуешься, это значит, что ты не в силах справиться с проблемами. Тогда Дия понимала, что она в силах сама все изменить. Наверное поэтому, когда ее родители погибли, Дия смогла пережить весь ужас реальности и выбраться из ямы. Она не привыкла жаловаться, а тогда стало некому. Так и получилось, что некоторые препятствия лишь сделали ее сильнее и закалили.

На настенных часах тикали уже три часа ночи. Бабушка, Елена Николаевна, давним давно спала. Конечно, с последней внучкой у нее множество хлопот: теперь Дия осталась без родителей, а Елена Николаевна без своего любимого сына. Жену сына, Рину, она же мать Дили, – свекровь очень не

любила. Пылкий и веселый характер невестки часто раздражал спокойную душу женщины. Но, стоит напомнить, что у Елены Николаевны есть дочь; тридцатилетняя Мария, но та, за всю свою молодость не нагулялась. Внуков она не родила для старой матери, думает только о себе да об ухажёрах, которые обновляются каждый месяц. Мария не работает, а деньги и жильё она получает от матери, известной бизнес-вумен и от богатых ухажеров. В общем, живет в свое удовольствие, о родственниках не думает, наслаждается своей одинокой жизнью (не считая ежемесячных мужчин). Елена Николаевна никогда ничего не говорила ни своей дочери, ни сыну. Мол, у них есть свой выбор, как им жить, и они этот выбор сделали. Мать мешать своей семье не хочет; лучше, когда люди учатся на своих ошибках, становятся лучше и сильнее, но они делают это по своему хотению, а не потому что их кто-то заставил или навязал свое мнение.

В эту ночь грустила одна женщина. Женщина, которая с детства была маленькой и хрупкой; но когда она выросла, нашла любимого человека. Человек был готов ее защищать и помочь в любой ситуации. Женщина выросла в детдоме, и с самого начала у нее не было заботы. Даже наоборот: в детском доме дети постарше били детей помладше. Конечно, ведь когда ты становишься взрослее, начинаешь осознавать, что тебя бросили и ты никому не нужен, если оказался в этом месте. Тогда старшие вымещают свою злость на младших, ни в чем не виновных.

Но когда женщина выросла, она поняла, что такое любовь, и нашла свою. Или ее нашла любовь? Не важно; главное то, что этот человек сделал ее счастливой. Этот человек показал ей, что такое забота и уют. Что зло гораздо слабее любви. В прочем, так говорили все. Все говорили, мол, любовь прекрасна! И эта женщина тоже так считала; она радовала своего человека каждый день, а он готов отдать ей самого себя. Но случилось так, что любовь приносит больше боли. Это как взять кредит: получаешь много добра и заботы, но все знают, что банк зарабатывает благодаря процентам. И если ты получаешь много заботы и любви, то в скором времени мир придет забрать плату. Так случилось с этой женщиной: ее любимый человек погиб. Они собирались пожениться, и в тот день, когда женщина пошла покупать белое платье, ее человек попал в автокатастрофу, и разбился насмерть.

Тяжело осознавать, что мир забрал свою плату за любовь. Но потом жизнь женщины пошла наперекосяк; появились тяжелые и грустные убеждения, найти похожего человека не удавалось, и женщина сдалась. Пустила свою жизнь на самотек! Но через неделю она узнала, что у нее будет ребенок. Как же грустно понимать, что ребенок от человека, которого больше нет на земле. Что женщина только не сделала; пыталась совершить аборт, завела вредные привычки, лишь бы этот ребенок не выжил. Но судьба преподнесла волшебный подарок, и у женщины родился сын. Тогда женщина пообещала, что больше никогда не расскажет своему ребенку о

том, как не желала его появления на свет. В своем мальчике она видела отражение не только себя, но и своего человека. Человека, которого она потеряла!

И вот сейчас этой женщине сорок лет. Ее сыну семнадцать, и совсем скоро она хочет поведать ему эту историю. У сына есть подруга, хотя подруга ли это? За эту «подругу» сын готов отдать очень многое, но ей об этом не говорит. Черта любимого человека той женщины.

Однажды у одной женщины родился мальчик. Нездоровый, нелюбимый сын. Женщина не хотела, чтобы он появился на свет. Но она решила, что подарит мальчику столько любви, сколько не получила женщина в своем детстве. Устроила мальчишку в хороший детский сад, каждое воскресенье они ходили на развлечения. Да, мальчик рос без отца; но его мать не хуже играла в футбол и ничуть не хуже управлялась с инструментами. В детском саду мальчик очень хорошо общался со всеми, даже подружился с одной девчушкой, с которой они учились в одной школе и много времени проводили вместе. Мальчик рос, становился лучше и увереннее, занимался спортом, но мать слишком сильно начала его контролировать. Ей не хотелось, чтобы с ее сыном произошло нечто ужасное!

Однажды одна девочка потеряла память. Ее родители погибли в автокатастрофе, разбившись насмерть. Девочка страдала из-за этого, но женщина решила ей помочь. Ведь она сама знает, знает, каково это – потерять любимого чело-

века. А у девочки таких людей сразу двое! Тогда женщина начала навещать эту девушку. Помогала ей морально: поддерживала, рассказывала истории из своей жизни и успокаивала в трудные моменты.

Такова ирония судьбы, что все эти пять историй переплелись в одну; кто бы знал, что было бы, не родив однажды Елена Николаевна своего сына. Что было бы, если бы она запрещала ему видится с ненавистной невесткой. Что было бы, если бы любимый человек Виктории не погиб в автокатастрофе, прямо перед памятным днем свадьбы. Что было бы, если бы сын Виктории умер при рождении, или если бы она сделала аборт.

Что было бы, если бы однажды Дия не сделала запись в дневнике перед отъездом? А что было бы, если бы мать Артура оставила его, или не дала столько заботы, сколько не было у нее?

Никто не знает, что произошло, если бы случилось хоть одно предположение из всех этих. Но какая разница, что произошло бы? Судьба у всех разная; и однажды судьбы разных людей могут переплетаться. Могут сплестись навечно, а могут разорваться. Мир может подарить бесконечную любовь, а может безжалостно забрать ее.

Тихое утро. На часах протекали пять часов утра, в кровати мягко спала черноволосая девушка с бледной кожей, как рассвет, и серыми глазами, как алюминий. В соседней комнате спала уставшая бабушка, а через два подъезда, на тре-

тьем этаже, до сих пор не могла заснуть грустная женщина.

26

Виктория до сих пор не могла заснуть. Тревожные мысли посещали ее темно-русую голову, заходили в гости и оставались навсегда. В своей комнате спал Артур, который будет спать до обеда. Сын снова не спал ночью, листая соц-сети и переписываясь с Дилей. Встречать рассвет очень здорово, но только не в одиночестве. Яркое, рыжее солнце вставало из-за горизонта, окрашивая небо красной краской, добавляя элементы оранжевого. Женщина открыла окно своей старенькой кухни и постаралась взглянуть за угол; здесь, через два подъезда, живет девушка. Она давненько морочит сыну Виктории голову, даже если сын об этом не говорит. Виктория видела в своей жизни влюбленного парня, пусть и один раз. Этот парень сделал Вику счастливой, но оставил одну. Не по своей воле, но так распорядилась жизнь.

О чем может думать сорокалетняя женщина? Любовь давно в ней остыла, завяла, как цветок осенью. Виктория и сама увяла, не замечая этого; каждый день она старалась избавиться от плохого состояния, не давая себе спуска и отдыха, загружая тяжелой работой свой организм. Иногда вовсе не ложилась спать, а на следующий день спокойно шла на работу. Пожалуй, она сильно устала, но никому говорить и признаваться в этом не будет. Даже признаться самой себе, что ты устала, это ужас для Виктории.

Солнце совсем вышло из-за черты горизонта. Небо стало голубое, но все еще с оттенками яркого желтого. С утра достаточно солнечно, но к вечеру может заполнить синими и лиловыми тучами. Что ж, Виктории пора идти спать. Сегодня воскресенье, и есть возможность долго поспать и полежать в кровати. Окно женщина так и не закрыла, оставив проветриться. Оставила свои дурацкие мысли на потом, укрылась одеялом и заснула.

27

Диля открыла запылившуюся коробку; в ней лежали восемь лет с половиной лет ее жизни. В этих дневниках слов больше, чем Дилей сказано за всю ее жизнь; в этих бумажках столько души, сколько остается в старых домах. Из глубины коробки доносился еле заметный аромат засушенной сирени. На поверхности лежал так и не заполненный дневник, который Диляра начала вести после ужасного происшествия. Подумать только, как же давно это было! Жизнь преподнесла Диле столько уроков, которых хватит на всю ее долгую и счастливую жизнь. Дневник был закрыт на замок, но девушка взяла обычную скрепку и открыла блокнот. В нескольких страницах боли больше, чем от разбитого сердца. Диля взяла этот дневник и записала последнюю запись в этой коробке: «Здравствуй, дневник. Это снова Диля; та самая, что на луне.

Я забросила тебя еще года три назад, признаюсь. Столько событий произошло в моей жизни, что и не перечесать. Я достаточно выросла, и сейчас читаю все эти строки с усмешкой и пониманием. Когда-то я была такой, наивной, когда-то стервой, но с каждым годом я росла и становилась лучше. Как будто шагала по лестнице, каждый раз перешагивая прошлую версию себя. Прыгала выше головы, добиваясь своих достижений и улучшений. Исчезла боль, потому что я ее отпустила. Давным-давно, еще три года назад, я писала в этом дневнике про свой дом. Да, я про ту квартиру, в которой умерла моя соседка.

Я успешно продала это помещение. Быстро нашлись покупатели, сейчас там живет молодая семья, с маленькой дочкой и сыном. А я собрала вещи и переехала в новую квартиру; мы с Артуром купили квартиру на Невском проспекте. Знаешь, здесь прекрасный вид, как с крыши, на которую мы с Артуром часто лазили. Кстати, мы никогда не забываем про эту традицию и если посещаем другой город или страну, обязательно приходим на самую красивую крышу.

Почему я продала ту квартиру? Ведь я так боялась, что Галя может отобрать мой родной дом; но вскоре я поняла, что он перестал быть родным. С этой квартирой меня связывали лишь документы и коробка воспоминаний. В свое оправдание скажу, что вместе с той квартирой я отпустила все вещи, которые там случились. И смерть Гали, которую не удалось спасти врачам; и смерть родителей, и нахождение этой ко-

робки с фотографиями, встреча с Ланой.

Кстати, с последней мы очень часто видимся. Она поступила в университет, на дизайн, а я на журналистику. Начинаю писать небольшую книжку о моих ужасных приключениях, основанных на реальных событиях. Хотя кто знает? Может, записи в дневнике – всего лишь плод моего детского воображения? Надеюсь, что нет! Но даже если все эти ужасы маленькая Диля выдумала, то получится отличная книга-фэнтези.

Впрочем, то, что происходило со мной десять, пять лет назад не имеет значения. Не имеет значения, сколько я пережила и сколько обдумала. Сколько смертей видела, и сколько брошенных и обреченных людей успокаивала и помогала им.

Сейчас мне двадцать один год, я живу на Невском проспекте, помогаю людям и животным, родным и незнакомым. За всю свою маленькую жизнь я осознала, что обстоятельства делают нас сильнее. Что трудности сделают из тебя независимого и умного человека. В конце концов, все когда-то совершают свой шаг в пустоту. Неизвестно, чем она закончится! Но ведь в этом и есть смысл жизненной игры, правда? Жить без сложностей и приключений – такая скука!

В будущем планирую выучиться еще и на психолога, и хочу учить других людей. Я так много видела зла, что даже тошно становится от одной мысли, что происходило со мной в тяжелом прошлом. Могу помогать людям, пережившим подобное; как когда-то помогла мне Виктория. Кстати, у ее ис-

тории тоже счастливый конец – она наконец-то нашла любящего мужчину! Сейчас ей сорок три года, и она безумно счастлива.

Я не знаю, когда закончится моя жизнь, и как это произойдет. Но я знаю, что действовать нужно именно сейчас, иначе потом прыгать с парашюта будет поздно. Так сказала моя бабушка, и я навсегда запомню эти правильные слова»

28

Как же весело трещит огонь, съедая огромную коробку бумаг. Догорает засушенная сирень, строчки навсегда осели пеплом на земле, разнеслись по ветру. Когда-то эти дневники были для Диля всем; когда-то стали прошлым, но интересным. Сколько раз Диля пыталась начать новую жизнь, подумать только! Но невозможно начать новую жизнь, не избавившись от прошлой.

Молодой рыжий парень принес еще сухих веточек, и огонь разгорелся еще больше. Диля подкинула в костер еще один дневник; это был маленький блокнотик с собачкой, самый первый дневник, который она начала вести в восемь лет. Девушке было жалко расставаться с этими бумажками: в них она рассказывала о своей веселой (и не очень) жизни, о своей первой любви, о первой ненависти, о первом уроке, о последнем звонке. Все это было до боли в сердце родным и любимым, что становилось дурно, когда эти воспомина-

ния превращались в дым и пепел, уносящийся по ветру. В этом костре горели и фотографии, и рисунки; девушка оставила лишь одну единственную запись: последний листочек последнего дневника, где Диля писала о своей жизни только что. И еще одна, не менее важная фотография: фото костра, в котором умирают все моменты, записанные за восемь лет жизни девушки.

Темный лес выглядел загадочно: в нем скрыты тайны и приключения, которые путешественникам еще предстоит пройти и испытать, узнать и потерять. Лишь костер освещал ближайшие три метра, а дальше была туманная пустота. Диля и Артур знали, что лес – это всего лишь дорога, которую стоит пройти. Оба возлюбленных убедились, что пустота не такая опасная и страшная, какой кажется. Артур похлопал, подсев к черноволосой девушке.

– Вот, твои блокнотики сгорают, – с усмешкой сказал он. – Сколько ты за них пеклась, боже мой. Никому не давала прочитать, даже сложила их в одну коробку, чтобы никто их не тронул и не нашёл. А теперь, вот как ты поступаешь с восьмью годами своего упорного труда? Безжалостно сжигаешь, – Артур цокнул языком, глядя на огонь. Коробка все никак не хотела исчезать, оставляя рваные кусочки бумаг и картона.

– Лучше сжечь этот ужас, чем все время жить с ним, – ответила девушка. – Знаешь, иногда бывает полезно сжечь все к чертям, неважно, хочешь ты этого или нет, – грустно

улыбнулась она.

– Пожалуй, ты права.

Сколько было пройдено – уже не важно. Коробка с бумагами начинала догорать и трепетаться. Огонь уничтожил все воспоминания: и смерть родителей, и дни рождения, и все-все памятные моменты, которые были в голове Дили. В прочем, сжигать записи не так плохо, когда осознаешь, что действительно важные моменты всегда будут в твоём сердце. И не обязательно хранить напоминания о них; если это находится в твоём сердце, то восстанавливать это в голове необязательно.

А как понять, что это в твоём сердце? Очень просто – при упоминании этого события, при любой мелочи, которая была в тот важный момент, твоё сердце отзовется. Болью или тёплой радостью, но ты и твоё сердечко поймете, что это важно. Так люди запоминают о друг друге, и им тяжело живётся в разлуке. Ведь если любимый человек находится в тысяча километрах от тебя, ваши общие воспоминания и мелочи принесут боль. Сердце отзовется, но не найдет крепкую руку любимого человека. Но если сердце отзовется, и человек будет рядом, в душе наступит май. Радость и веселье.

Все, от дневников и фотографий остался только пепел. Холодный ветер разносил остатки воспоминаний девушки. Это было словно приглашение в новую, настоящую жизнь; и если пять лет назад Дили потеряла память из-за обстоятельств, то сейчас она теряла ее осознанно. «Я потерю вос-

поминания, которые были в дневниках, ну и пусть,» – думала она. И правильно думала!

Завершение старой жизни – всегда начало новой. Ведь за каждой зимой приходит весна, а там и до лета не далеко!

29

«Пусть догорит последняя строка, и я начну жизнь с чистого листа.»

Обложка нарисована автором произведения, а также доделана в приложении Canva. Источником вдохновения служил рисунок KATHRIN HONESTA.